

Вл. Жаботинский

**Бунд и
сионизм**

Вл: ЖАБОТИНСКІЙ

БУНДЪ
И СІОНИЗМЪ

№ 22.

ЦѢНА 12 КОП.

КНИГО-
ИЗДАТЕЛЬСТВО

«КАДІШЪ»
* ОДЕССА *

БУНДЪ И СІОНИЗМЪ.

Въ бундовской литературѣ отъ времени до времени проглядываетъ мнѣніе, что сіонизмъ и Бундъ рождены изъ одного и того же источника. Такъ, напримѣръ, въ официальномъ отчетѣ о IV съѣздѣ Бунда имѣется такое мѣсто: «тѣ условія, которыя въ Россіи вызвали къ жизни сіонизмъ, создали различныя національныя социалистическія партіи, должны были рано или поздно поставить на очередь и въ Бундѣ еврейскій національный вопросъ» *). Поставить же въ Бундѣ національный вопросъ—это и значило сдѣлать Бундъ Бундомъ, ибо только своеобразная позиція въ національномъ вопросѣ придаетъ Бунду его специфическую филономію.

Къ этому бундовскому мнѣнію можно присоединяться только съ большими поправками. Конечно, между Бундомъ и сіонизмомъ есть несомнѣнная общность происхожденія; но врядъ-ли, на мой взглядъ, правильно сказать, что оба эти движенія вытекли изъ одного источника, словно бы это были два равныхъ и самостоятельныхъ русла. Я думаю, что родство между Бундомъ и сіонизмомъ надо формулировать иначе, и ставлю цѣлью моего очерка именно установить эту формулировку.

Здѣсь, поэтому, будетъ идти рѣчь о Бундѣ только въ его *національной* роли. Что касается до Бунда какъ организациі социалистической или революціонной, то эти стороны его дѣятельности мы можемъ оцѣнивать такъ или этакъ, высоко или низко, но не о нихъ у насъ сегодня рѣчь. Своеобразие Бунда,—то, что выдѣляетъ его изъ общихъ рядовъ социаль-демократическаго лагеря,—это его національная позиція въ вопросахъ организациі и программы. Я оставляю за собою право въ другомъ очеркѣ заняться разборомъ этой позиціи *по существу*; здѣсь я займусь только ея *исторіей*. Откуда она взялась? Какъ и почему эволюціонировала? Каковъ ея историческій смыслъ и чѣмъ суждено завершиться ея развитію?

*) Стр. 12.

I.

Мы начнемъ съ начала и прослѣдимъ зарожденіе того, что теперь называется Бундомъ.

За послѣднее время, когда въ чилу революціи вообще было жазано и сдѣлано много неумныхъ вещей, большое распространіе въ обществѣ получилъ парадоксъ, будто во главѣ идейнаго развитія человѣчества шествуетъ не кто иной, какъ пролетаріатъ. Теперь, когда всѣ уже нѣсколько приняли въ себя, полезнымъ будетъ напомнить, что въ этомъ парадоксѣ нѣтъ ничего, кромѣ грубой лести. Пролетаріатъ объективно является посылителемъ будущаго социальнаго перенорота; просвѣщеніе и организація, укрупненіе его самосознаніе, дѣлають изъ него постепенно и субъективнаго борца за новыя производственныя формы. Но пролетаріатъ никогда не шелъ, не могъ идти и еще долго не пойдетъ во главѣ идейнаго развитія человѣческаго общества. Не только для того, чтобы творить новыя идеи, но даже для того, чтобы воспринимать ихъ, нужна известная степень культурности, которой у рабочаго люда не нѣтается, потому что онъ занятъ физическимъ трудомъ и не можетъ посвятить много времени своему образованію; а культурность достигается только путемъ образованія и съ неба не падаетъ. Нашъ строй тѣмъ и плохъ, что въ немъ трудящійся обыкновенно осужденъ на невѣжество. Поэтому во главѣ идейнаго развитія идутъ болѣе состоятельные классы; пролетаріатъ идетъ позади, а пролетаріатъ отсталыхъ странъ даже въ самомъ хвостѣ. Это справедливо даже тогда, когда рѣчь идетъ о его собственныхъ классовыхъ интересахъ. Полнымъ выраженіемъ этихъ интересовъ является социализмъ; однако тѣ, кто знакомъ съ исторіей социалистическихъ ученій, должны знать, что первыми пионерами этой идеи были не только интеллигенты, но даже разныя „сельскіе хозяева, фабриканты, рантье средней руки, мыслители, инженеры, офицеры“, *) и послѣдними примкнувъ къ социализму пролетаріатъ. Въ этомъ для пролетаріата нѣтъ ничего зазорнаго—это, наоборотъ, вполне естественно для угнетеннаго и темнаго класса; но теперь царитъ такая путаница понятій, что самыя простыя вещи приходится повторять и доказывать.

Та же послѣдовательность наблюдается и въ идейномъ развитіи російскаго еврейства. Во главѣ этого развитія шли, конечно, не

*) Кудринъ, „Великій утопистъ“. „Русск. Вѣст.“ 1905, 1—12.

еврейскіе рабочіе, а болѣе состоятельныя слои, главнымъ образомъ интеллигенція и средняя буржуазія—то, что принято называть „обществомъ“. Изъ простыхъ справки изъ недавняго прошлаго ясно доказываютъ, что идейное развитіе еврейской рабочей массы, начавшееся гораздо позже, явилось не чѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ и повтореніемъ (конечно въ измененномъ обликѣ) идейной эволюціи еврейскаго „общества“.

Пробужденіе этого «общества», т. е. приобщеніе его къ европейской культурѣ, началось еще въ 40-выхъ годахъ XIX вѣка и приняло широкіе размѣры въ 60-тыхъ. Эта эпоха называется эпохой „гасколы“. Такъ какъ европейскую культуру пришлось черпать изъ чужихъ источниковъ—сначала нѣмецкихъ, потомъ русскихъ,—то къ срединѣ 70-тыхъ годовъ „гаскола“ начала понемногу вырождаться въ ассимиляцію; въ то же время среди другихъ элементовъ, ближе стоявшихъ къ народу, назрѣвалъ протестъ противъ ассимиляторскаго теченія. Гигромы начала 80-тыхъ годовъ вызвали этотъ протестъ наружу, и съ той минуты дальнѣйшее идейное развитіе еврейскаго „общества“ направилось уже только по національному руслу. Ассимиляція не прекратилась напротивъ, количественно возросла, но ея представители уходили отъ своего народа, отдавали всѣ свои силы чужому лагерю и такимъ образомъ не участвовали въ внутренней эволюціи еврейства и въ смѣнѣ его настроеній. Эволюція же эта, начиная съ 81-го года, совершалась и совершается исключительно въ плоскости національнаго самоопредѣленія, и смѣна теченій внутри еврейскаго „общества“ за этотъ періодъ выражается въ характерныхъ этанахъ палестинскаго движенія, билуиста, ахадъ-гаамизма, духовнаго націонализма и сіонизма герцлевскаго типа.

Эволюція еврейскаго рабочаго движенія явилась въ общихъ чертахъ повтореніемъ эволюціи «общества». И здѣсь пробужденіе—начавшееся около 1885 года—принимаетъ на первыхъ порахъ ассимиляціонныя формы, какъ это констатируетъ, между прочимъ, опубликованный Бундомъ за границей обширный докладъ подъ заглавіемъ „Исторія еврейскаго рабочаго движенія въ Россіи и Польшѣ“, а также извѣстная легальная брошюра Акимова-Махновца. Даже пропаганда велась сначала на русскомъ языкѣ. Но уже къ концу 80-тыхъ годовъ замѣчаются первые признаки поворота въ сторону націонализационнаго движенія. Между 88 и 93 наблюдается постепенный переходъ къ жаргону; въ 1894 году выходитъ брошюра „Объ агитаціи“, которая окончательно санкціонируетъ и завѣрбляетъ этотъ

переходъ. Наконецъ, 2-го мая 1895 года въ собраніи агитаторовъ въ Вильнѣ была произнесена рѣчь, которая впоследствии была издана подъ заглавіемъ „Поворотный пунктъ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія“. Хотя официальное учрежденіе Бунда состоялось только въ 1897 году, но по всей справедливости настоящій день рожденія этой партіи есть 2-е мая 1895 года, и рѣчь о „Поворотномъ пунктѣ“ представляетъ изъ себя истиннѣйшую учредительную грамоту Бунда. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ исторіи послѣдняго рѣчь о „Поворотномъ пунктѣ“ сыграла ту же роль, что «Judenstaat» Герцля въ исторіи сионизма. И притомъ еще съ одной существенной разницей: брошюра Герцля въ значительной мѣрѣ потеряла теперь свое значеніе и врядъ-ли можетъ послужить для уясненія сионизма въ его нынѣшней стадіи; между тѣмъ «Поворотный пунктъ» въ своей сжатой формѣ дѣйствительно заключаетъ всѣ основныя элементы бундовской идеологій—все то, во имя чего Бундъ возникъ, какъ національная партія, и чѣмъ онъ живетъ и живетъ. Именно оттого дѣятели Бунда не любятъ вспоминать объ этой брошюрѣ, а когда заговариваютъ о ней, то съ длинными оправдательными комментаріями. И именно оттого я подробно остановлюсь на анализѣ этой брошюры. Онъ уяснитъ намъ, что за внутренніе мотивы и какія вѣншія вліянія вызвали постепенную націонализацию еврейскаго рабочаго движенія и—какъ одинъ изъ характернѣйшихъ этаповъ этого процесса націонализациі — породилъ Бундъ.

Основная мысль „Поворотнаго пункта“—критическая и вѣнщая съ тѣмъ положительная—изложена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Нашей буржуазной интеллигенціи и въ голову не приходитъ, что еврей только отъ собственной дѣятельности можетъ ожидать улучшенія своего положенія. Еврейская буржуазія даже не поддерживаетъ энергично русскаго либеральнаго движенія. Много причинъ породили такой характеръ нашей буржуазіи — всѣ эти причины дѣлаютъ ее вполне безполезной для еврейскаго рабочаго класса; болѣе того, взгляды этой буржуазной интеллигенціи сыграли прямо вредную роль въ нашемъ движеніи, которое въ первое время испытывало на себѣ вліяніе этой національной пассивности. Въ самомъ дѣлѣ, еврейская буржуазная интеллигенція ждетъ всего отъ русскаго царя и ничего отъ самостоятельности еврейскаго народа; въ первые годы нашего движенія мы всего ожидали отъ движенія русскаго рабочаго класса и на самихъ себя смотрѣли только какъ на придаatokъ къ обще-русскому рабочему движенію (стр. 17).

Вотъ почему мы должны рѣшительно признать, что наша цѣль, цѣль дѣйствующихъ въ еврейской средѣ социаль-демократовъ, состоитъ въ томъ, чтобы создать специально-еврейскую рабочую организацию, которая явилась бы руководительницей и воспитательницей еврейскаго пролетаріата въ борьбѣ за экономическое, гражданское и политическое освобождение (стр. 19)

...Да, социализмъ международенъ, и тотъ историческій процессъ, который создастъ классную борьбу въ современномъ обществѣ, ведетъ неизбежно къ уничтоженію національных границъ и слянію отдѣльныхъ народовъ въоедино. Но вы согласитесь, конечно, что до тѣхъ поръ, пока существуютъ современные общества, настоящей задачей является завоеваніе каждой націей, если не политической самостоятельности, то во всякомъ случаѣ полной равноправности. Въ самомъ дѣлѣ, рабочий классъ, который мирится съ долей низшаго племени, такой рабочий классъ не останется и противъ доли низшаго класса. Поэтому національная пассивность еврейской массы является преступленіемъ и для возбужденія классоваго самосознанія; пробужденіе національнаго и классоваго самосознанія должно идти рука объ руку (стр. 20).

Такимъ образомъ, какъ третій результатъ нашего движенія, какъ третью теоретическую побѣду надъ вліяніемъ буржуазныхъ идей, мы должны поставить болѣе національный характеръ нашего движенія (стр. 21).

Такова основная мысль. Оригинальна ли она? Авторъ не пишетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Онъ не допускаетъ и мысли о малѣйшемъ вліяніемъ вліяніи на ходъ его идей. Онъ глубоко вѣрить, что его устами провозглашено нѣкое новое слово, подобного которому еще не раздавалась ни въ одномъ словѣ еврейскаго народа. А , слово“ это заключается въ призывѣ къ національной самостоятельности, къ освобожденію собственными національными силами. То-есть, выражаясь короче—Autoemancipation.

Европейскому читателю это слово должно быть хорошо извѣстно: „Autoemancipation“ есть заглавіе брошюры доктора Нисскера, вышедшей въ 1882 году. И также должно быть извѣстно читателю, что эта брошюра оказала огромное вліяніе на современниковъ и положила начало палестинскому движенію. И если вы теперь на досугѣ перечитаете эту брошюру, то вы обнаружите, что всѣ мысли, провозглашенные въ „Новоротномъ пунктѣ“, были въ классической формѣ за 13 лѣтъ до того провозглашены родоначальникомъ первой стадіи сионизма. Имъ нечернылающе осуждена и клеймлена политика національной пассивности, вѣра въ спасеніе изъ чужихъ рукъ; имъ ярко и дѣйствительно—первые брошенъ при-

зить къ національному самоосвобожденію. Противъ того, что брошюра Пияскера неизгнѣримо гыше «Поворотнаго пункта» по силѣ и дохоженію, не станеть, конечно, спорить ни одинъ человѣкъ, обладающій литературнымъ вкусомъ; по существу же разница только та, что предвозвѣстникъ Бунда скромно говоритъ о завоеваніи *„если не политической самостоятельности, *)* то во всякомъ случаѣ полной равноправности“, между тѣмъ какъ предвозвѣстникъ сіонизма требуетъ активнаго творчества именно ради цѣльнаго идеала политической самостоятельности. „Поворотный пунктъ“ есть учредительный манифестъ Бунда, по „Поворотный пунктъ“ есть блѣдный, на три пятнадцатія запоздалый и на десять десятыхъ урѣзанный въ размахѣ пересказъ первой деклараціи сіонизма.

Намъ совершенно незачѣмъ интересоваться вопросомъ, знаютъ или не знаютъ авторъ „Поворотнаго пункта“ про то, что онъ повторяетъ Пияскера безъ указанія источника. Даже весьма вѣроятно, что у него это вышло совершенно безознательно. Одна изъ особенностей исторической эволюціи человѣчества есть вообще та, что при распространеніи извѣстной идеи ея носители и глашатаи зачастую не сознають ея преемственной связи съ лозунгами предшественниковъ—и это забвеніе родства даже усиливаетъ ихъ энтузіазмъ; во въ томъ и заключается задача изслѣдователя, чтобы независимо отъ субъективнаго мнѣнія самихъ борцовъ установить эту преемственность на основаніи объективныхъ данныхъ. И вѣрнѣйшимъ путемъ считается сличеніе литературныхъ памятниковъ. Это сличеніе приводитъ насъ въ данномъ случаѣ къ неоспоримому выводу, что Бундъ зародился тогда, когда въ сферу рабочаго движенія проникли основныя лозунги сіонизма. Читатель долженъ запомнить этотъ выводъ: онъ уже нѣсколько приближаетъ насъ къ рѣшенію нашей задачи — къ установленію объективной сущности и исторической роли Бунда.

Но не эти слѣды вѣншихъ вліяній представляютъ стиму характерную особенность „Поворотнаго пункта“: еще большаго вниманія заслуживаютъ выразившіеся въ немъ *внутренніе мотивы* націонализаціи еврейскаго рабочаго движенія. Эта сторона бундовскаго „манифеста“ до сихъ поръ какъ-то упускалась изъ виду, —

*) Любопытно, что въ легальномъ изданіи „Матеріалы по исторіи евр. раб. движенія“ въ цитатѣ изъ „Поворотнаго пункта“ (стр. 49) подчеркнутыя слова выпущены!

между тѣмъ она-то и даетъ въ высшей степени цѣнный матеріалъ для выясненія не только источниковъ Бунда, но въ извѣстной мѣрѣ и его грядущихъ судебъ. Недостаточное вниманіе критиковъ Бунда къ этой сторонѣ „Поворотнаго пункта“ тѣмъ болѣе несправедливо, что внутренніе мотивы „поворота“ изложены тамъ въ ясныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ, исключающихъ всякое сомнѣніе. Вотъ они:

... Мы притомъ должны помнить, что нашъ демократическій лозунгъ: „все посредствомъ народа“ не позволяетъ намъ ожидать освобожденія еврейскаго пролетаріата отъ экономическаго, политическаго и гражданскаго порабощенія ни отъ русскаго, ни отъ польскаго движенія (стр. 18).

Мы хорошо понимаемъ, что безъ успѣха русскихъ и польскихъ рабочихъ мы многого не добьемся, но съ другой стороны мы уже не можемъ по-прежнему ожидать всего отъ русскаго пролетаріата, какъ наша буржуазія ожидаетъ всего отъ русскаго и чиновничьяго либерализма. Мы должны имѣть въ виду, что русскій рабочій классъ въ своемъ развитіи будетъ встрѣчать такого рода препятствія, что каждое ничтожное завоеваніе ему будетъ стоить страшныхъ усилій, а потому ему лишь постепенно и упорной борьбой удастся добиться успѣховъ политическихъ и экономическихъ; а въ такомъ случаѣ очевидно, что, когда русскому пролетаріату придется жертвовать нѣкоторыми изъ своихъ требованій для того, чтобы добиться хоть чего-нибудь, онъ скорѣе пожертвуетъ такими требованіями, которыя касаются исключительно евреевъ, напримѣръ—свободы религіи или равноправія евреевъ. То же самое съ русскимъ либеральнымъ движеніемъ, которое тоже будетъ склонно жертвовать интересами евреевъ для того, чтобы достигнуть чего-нибудь (стр. 19).

Въ упомянутой уже брошюрѣ „Исторія еврейскаго рабочаго движенія въ Россіи и Польшѣ“ къ этимъ цитатамъ приложены цѣлыя три страницы (63—65) извиненій, оговорокъ и оправданій, но именно это запоздалое стараніе смягчить и замазать лучшую всего доказываетъ, что въ откровенныхъ заявленіяхъ предводителя Бунда дѣйствительно прорвалась горькая, компрометирующе-голая истина. Никакими замѣтаніями слѣдовъ невозможно затушить прямой смыслъ приведенной цитаты, а смыслъ этотъ означаетъ: русскіе и польскіе рабочіе насъ предадутъ, когда имъ это будетъ выгодно. Съ той поры, какъ это было сказано, прошло больше десяти лѣтъ, и за это время бундовскіе агитаторы множество разъ громили сионистовъ за то, что они, видите-ли, хотятъ посягнуть на довѣріе между еврейскимъ и нееврейскимъ пролетаріатомъ. Но

это обвинение было мимо цели, как были и были мимо цели все бундовскія атаки противъ сionизма. Сionисты добивались только того, чтобы еврейскій пролетаріатъ сдѣлалъ естественный логическій выводъ изъ своего недоверія къ инородцамъ. Что же до самого недоверія, то намъ незачѣмъ было его сѣять—оно было посябно раньше, и плодъ, который выросъ изъ этого посява, носитъ имя Бууда. Ибо сколько бы мы потомъ ни подкрашивали рѣзкости „Поворотнаго пункта“, всетаки эта рѣчь остается литературнымъ памятникомъ того настроенія, которое привело руководителей еврейскаго рабочаго движенія къ созданію національной партіи, и памятникъ этотъ неопровержимо говоритъ, что основнымъ внутреннимъ мотивомъ выдѣленія въ особую организацию было глубокое недоверіе ко всему инородческому рабочему классу.

Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ думать, будто я желаю совершенно облить сionистовъ отъ вышеуказаннаго бундовскаго обвиненія—будто я совершенно отрицаю наше участіе въ разрушеніи нашивой шкуры еврейскихъ социалдемократовъ въ чужую защиту. Напротивъ! Бундовцы неправы лишь постольку, поскольку они приписываютъ сionистамъ такіа попытки послѣ возникновенія Бууда. Намъ дѣйствительно незачѣмъ было разрушать то, что уже было разрушено въ 1895 году и торжественно погребено въ 1897; а если отдельные сionисты въ единичныхъ случаяхъ и дальше проявляли такіа позволженія, то ужъ это было, конечно, совершенно излишне, и объясняется это просто инерціей чрезвычайнаго усердія. Но по существу своихъ обвиненій бундовцы совершенно правы: да, мысль о томъ, что нѣтъ горшея полѣпости, чѣмъ еврейская надежда на инородческую защиту, нормнымъ своимъ политическимъ провозглашеніемъ обязана была дѣйствительно сionизму: она проходитъ чрезъ всю брошюру Пинскера; она играетъ огромную, даже—охотѣе сказать бы я --чрезмѣрную роль въ психологій первыхъ дѣятелей налестниофильства и сionизма; а когда—черезъ 14 лѣтъ—отъ возникновенія этой мысли въ среду рабочаго движенія появляется на свѣтъ національно-обособленная еврейская рабочая партія, то это безспорно снова подтверждаетъ уже однажды полученный нами выводъ о томъ, что въ основу бундизма исторически легли идеи, подчеркнутыя съ большимъ опозданіемъ изъ сionистическаго катехизиса.

Но въ «Поворотномъ пунктѣ» намѣченъ и второй внутренній мотивъ обособленія еврейскихъ рабочихъ въ національную партію. Этотъ мотивъ есть наличие особыхъ интересовъ. Въ смыслѣ конституирующаго момента этотъ мотивъ по важности долженъ быть признанъ даже не вторымъ, а первымъ: самое «недовѣріе» можетъ возникнуть только тогда, когда имѣются на лицо особыя групповыя требованія, защита которыхъ не входитъ непосредственно въ интересы другихъ группъ. Партіи размежевываются только по линіи особенности интересовъ. Если бы дѣло шло фактически только о техническихъ особенностяхъ—например, объ агитаціи на жаргонѣ,—то вмѣсто Бунда возникло бы нечто вроде еврейскихъ комитетовъ П. И. С. — чисто-техническое подраздѣленіе безъ всякихъ конститутивныхъ признаковъ особой партіи. Бундъ же сложился въ особую партію въ полномъ смыслѣ этого слова, и бундовцы этимъ даже не мало всегда гордились и горятся. Ясное дѣло, что незачѣмъ было бы и огорождать городить, если бы въ дѣятельн. 1894—97 года не бродило, подъ вліяніемъ тѣснаго соприкосновенія съ массой, неопредѣленное, но сильное сознание того, что специфическая статика этой массы не можетъ не требовать и специфическихъ дополненій къ обычной социалдемократической программѣ. И если преобладающимъ настроеніемъ въ средѣ этихъ дѣятелей было тогда, какъ мы видѣли, недовѣріе къ чужой помощи, то роль преобладающаго *положительнаго импульса* сыграло это сознание особенности интересовъ еврейскаго пролетаріата. И возникновеніе Бунда въ 1897 года было, такимъ образомъ, не только манифестаціей недовѣрія: это было настоящее прокламированіе принципа особыхъ интересовъ.

Но только принципа. Ни въ 1895 году авторъ «Поворотнаго пункта», ни въ 1897 первый учредительный съѣздъ «Всегообщаго еврейскаго рабочаго союза въ Россіи и Польшѣ» не сумѣли возложить въ этотъ принципъ нечернивающее содержаніе: и тотъ, и другой ограничились пресловутой «равноправностью». Принять сколько-нибудь въ серьезъ этотъ мизерный лозунгъ есть, конечно, дѣло невозможное: самъ Бундъ расписался въ этомъ, расширивъ чрезъ нѣкоторое время свою національную программу до предѣловъ «культурной» автономіи. Не говоря уже о томъ, что слишкомъ жалко звучала эта «равноправность» при тогдашнемъ разгарѣ дѣла Дрейфу-

са въ свободной Франціи,—еще болѣе пичтожное впечатлѣніе производилъ этотъ «гвоздь» бундовской національной программы въ сопоставленіи съ широкотѣпательными тирадами «Поворотнаго пункта». «Пробужденіе классоваго и національнаго самосознанія»—говорилось въ этой брешюрѣ—«должно идти рука объ руку!» Врядь-ли могъ кто-нибудь серьезно думать, что «раннопрание» способно сыграть роль знамени, вокругъ котораго можно было бы сконцентрировать это пробужденное національное самосознаніе; да притомъ настолько-то «національнаго самосознанія», чтобы понимать необходимость уравненія въ правахъ, имѣлось и тогда въ наличности у каждаго зауряднаго еврея, баббоса или рабочаго, и печего и некого было съ этой точки зрѣнія «пробуждать». Въ смыслѣ несоотвѣтствія между постановкой вопроса въ «Поворотномъ пунктѣ», всетаки довольной широкой, и худосочностью той «программы», которая была выдвинута въ отвѣтъ,—можно смѣло сказать, что гора родила мышь,—что Вундъ умѣлъ обособиться, но не умѣлъ объяснить, по имя чего онъ обособляется.

На первый взглядъ это можетъ показаться страннымъ. Если разсуждать прямолинейно, то естественнымъ былъ бы какъ разъ обратный порядокъ: сначала продумать и вполне выяснитъ всю сумму своихъ специфическихъ требованій—и только потомъ, въ зависимости отъ характера и объема послѣднихъ, рѣшить вопросъ о желательности или нежелательности выдѣленія. Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи становится понятнымъ, почему въ данномъ случаѣ дѣло сложилось и должно было сложиться не такъ. Въ томъ сложномъ и запутанномъ положеніи, въ которомъ находится и еврейскій народъ вообще, и главнымъ образомъ еврейская наемно-трудоваѣ масса съ еѣ бременемъ тройнаго гнета,—всегда гораздо легче *ощутить* особность интересовъ, чѣмъ понять и точно формулировать *ее*. *Ощущеніе* того, что еврей рѣзко и во всемъ непохожъ на русскаго или поляка, что у еврея все по иному, что у насъ и у нихъ мѣрки разныя и разныя потребности, и вообще „что одному здорово, то другому карачунъ“,—это ощущеніе въ самой сильной формѣ исконно глубоко жило въ еврейской массѣ, до самыхъ еѣ низовъ, и чѣмъ ниже, тѣмъ глубже. Идея полнаго, безразличнаго сліянія русскихъ и евреевъ въ одной организаціи—эта идея на практической повѣркѣ въ средѣ живыхъ массъ должна была непонятнымъ, по пагладнымъ образомъ оказатись дикой, несообразной, несостоятельной. Такъ оно и случилось, и при первомъ соприкосновеніи съ широкой

еврейской массой пионеры движения поняли, что имъ не сдѣлать ни шагу дальше, если они предварительно не установятъ разъ навсегда однородность матеріала, изъ котораго будутъ ковать партію. Имъ пришлось прежде всего подчиниться этому стихійно-массовому ощущенію полной несомнѣстности «вола и осла» въ одной упряжи — иначе, повидимому, немислимо было нести какую бы то ни было работу; операцию выдѣленія пришлось сдѣлать и оформить сейчасъ же, не теряя времени. — Но выяснить во всѣхъ подробностяхъ содержаніе и коренныя причины ощущенія — это было далеко не такъ уже къ сѣбѣ. Поглощенная ближайшими задачами — сначала экономической борьбою съ хозяиномъ за лишній кусокъ хлѣба, потомъ съ городовымъ за свободу экономической борьбы, — масса по собственному почину не проявляла особенной требовательности въ этомъ отношеніи; ей было тогда не до творческихъ задачъ, не до плановъ обще-національнаго освобожденія, даже не до принципа «самоопредѣленія» — ибо, какъ справедливо сказано въ «Исторіи еврейскаго рабочаго движенія» — «рабочая масса обыкновенно борется за принципы лишь тогда, когда эти принципы *непосредственно* (курсивъ автора) вытекаютъ изъ сознанныхъ ея потребностей»*) — т. е., говоря болѣе простымъ языкомъ, борется вообще не за принципы, а за свои ближайшія выгоды, не особенно ломая голову надъ широкими задачами грядущаго. Поэтому особенно вытливыхъ вопросовъ объ истинныхъ мотивахъ обособленія эта масса своимъ руководителямъ не задавала и вполне удовлетворилась кудымъ, но популярнымъ и насущнымъ лозунгомъ равноправія. И вполне возможно, даже очень вѣроятно, что въ пылу борьбы съ балабосомъ и полиціей (тогда это называлось борьбой съ капитализмомъ и самодержавіемъ) еврейская рабочая масса долго-бы еще довольствовалась той-же программой, и ея руководителямъ еще Богъ знаетъ сколько лѣтъ не пришлось бы раскошеливаться на «культурную» автономію, — если бы не новый толчокъ снаружи, не новый напоръ вышшихъ вліяній.

III.

Въ томъ-же 1897 году, когда состоялся учредительный съѣздъ Бунда, былъ созванъ первый конгрессъ сионистовъ. Обыкновенно выражаются, что съ этого момента выступилъ на сцену политическій

*) Стр. 63.

сионизмъ. Я по этому вопросу вѣсколько иного мнѣнія: думаю, что истинно-политическая стадія сiонизма начинается только теперь. Но, во всякомъ случаѣ, имя политическаго сiонизма дѣйствительно провозглашено въ 1897 году; и такъ какъ въ имени этомъ заключалась единственная и всеобъемлющая разгадка еврейской проблемы, то и одно его провозглашеніе само по себѣ уже было событіемъ. Слабыя искры налестинифильства и ахид-гаимизма превратились въ яркій базельскій маякъ; обновленный сiонизмъ быстро достигъ небывалаго вѣшняго расцвѣта и предпринялъ завоевательный походъ на всѣ слои еврейства. Первый годъ или два ушли, впрочемъ, на вербовку союзниковъ изъ верховъ, изъ среды „общества“; это, конечно, тоже приводило къ столкновеніямъ съ социалистами и въ томъ числѣ съ Бундомъ, но столкновенія носили характеръ шумно-невинныхъ дискуссій между интеллигентами на невинныя темы вроде націонализма и ассимиляціи, благонадежности или неблагонадежности турецкаго наципха, благозвучности или неблагозвучности древнееврейскаго языка. Это все создавало недружелюбное отношеніе другъ къ другу; но настоящая борьба разразилась съ того момента, когда окрѣпшій сiонизмъ обратилъ вниманіе на возроставшій вѣсь еврейскаго рабочаго движенія и направилъ свой первый, еще неуимый натискъ на эту позицію, гдѣ къ тому времени (было это въ самомъ концѣ девяностыхъ годовъ) почти единовластно господствовалъ Бундъ. Тутъ уже началось не теоретическія дискуссіи, а борьба за власть надъ обаялимымъ и воспримчивымъ человеческимъ матеріаломъ.

Руководители Бунда встрѣтили новаго конкурента съ чувствомъ ненависти и опасенія. Это всѣмъ и въ достаточной мѣрѣ вѣдомо, но это всетаки нуждается въ объясненіи. Почему ненависть и почему опасеніе? Съ одной стороны, почему ненависть? Вѣдь о томъ, что «собственная территория» противорѣчитъ интересамъ еврейскаго пролетариата, который и тогда тысячами эмигрировалъ, можно было въ серьезъ рассказывать только опираясь на повѣжество массоваго слушателя; странная безсмысленность этого аргумента сама по себѣ доказываетъ, что онъ могъ вырасти только на почвѣ уже сзрѣвшей ненависти къ сiонизму—слѣдовательно, не этимъ аргументомъ была она обусловлена. Что же ее вызвало?—Съ другой стороны, чѣмъ могло быть вызвано опасеніе предъ натискомъ сiонизма на бундовскую массу? Вѣдь люди, сколько-нибудь знакомые съ ультра-боевымъ настроеніемъ этой массы, должны были сразу увидѣть въ этомъ натискѣ, въ его признакахъ къ отказу отъ борьбы съ полиціей

и къ рениктированію интересовъ базабоса—нѣ признаки покушенія съ негодными средствами. Откуда же взялось опасеніе?

Разберемся отдѣльно въ причинахъ ненависти и въ причинахъ опасенія.

Ненависть имѣла два источника: первый коренился въ характерѣ тогдашняго сіонизма, второй и главный—въ настроеніи руководителей Бунда.

Въ извѣстной антисіонистической статьѣ австрійскаго соціально-демократа Макса Цеттербаума «Сіонизмъ и соціализмъ» содержится одно откровенное признаніе, которое въ примѣненіи къ дѣятелямъ Бунда вполнѣ уясняетъ намъ первый изъ этихъ двухъ источниковъ бундовской ненависти. Цеттербаумъ говоритъ:

Принципіально противъ конечной цѣли сіонизма, т. е. противъ основанія въ Палестинѣ „еврейскаго государства“, соціально-демократы ничего не имѣютъ... Отношеніе еврейской соціальной демократіи къ сіонизму *менѣе* всего опредѣляется вопросомъ о конечной цѣли этого движенія. Рѣшающимъ моментомъ въ данномъ случаѣ являются не конечная цѣль и не иллюзіи отдѣльныхъ личностей, а исключительно конкретное сіонистское движеніе, его дѣятельность и міросозерцаніе... и, наконецъ, его отношеніе къ жизненнымъ интересамъ дня и дѣйствительности, какъ оно проявляется въ официальныхъ заявленіяхъ и резолюціяхъ *).

Это дѣйствительно значитъ поставить вопросъ на правильную почву. Сѣверо-восточные товарищи г. Цеттербаума субъективно могли быть увѣрены, что ихъ вражда къ сіонизму въ самомъ дѣлѣ вытекаетъ изъ интересовъ еврейскаго пролетаріата, которые обязательно требуютъ осѣдлаго пребыванія въ странѣ съ инородческимъ большинствомъ; но въ дѣйствительности ихъ вражда была обусловлена только конкретнымъ характеромъ тогдашней стадіи сіонизма. Что же это была за стадія?

Это была отроческая стадія, совершенно аналогичная съ отроческими періодами всѣхъ другихъ народныхъ движеній, и самую наглядную и убѣдительную аналогію представляеть, конечно, развитіе соціализма. Первые періоды народныхъ движеній въ силу психологической необходимости носятъ характеръ утоническій и реакціонный, и этотъ характеръ бываетъ тѣмъ рѣзче выраженъ и тѣмъ долѣе держится, чѣмъ ярче идеаль и чѣмъ многочисленнѣе та че-

*) Стр. 7—8—9.

любовская группа, интересы которой покрываются этим идеалом. Ибо самая радикальность и потому отдаленность цели невольно заставляет первых ее глашатаев и приверженцев изобретать папишно-утопические средства для „быстрого“ и „легкого“ осуществления идеала и твердо верить в пригодность этих средств. Одни из первых социалистов проектируют фаланстеры, мечтая мало по малу заполнить такими коммунистическими оазисами все пространство капиталистического хаоса; первые сионисты — палестинofilы и билуяцы — насаждают крохотные колонии, вверяя, что таким путем, в часть по столовой ложке, им удастся вычерпать до дна все море голуса. Первые социалисты верили в возможность осуществить социальный переворот при доброй поддержке властей предрежащих, фантазировали о союзе королевской власти с рабочими, взывали к гуманным чувствам монархов и капиталистов, посвящали свои книги влиятельным сановникам; авторы идеал политического сионизма строили свои расчеты в значительной мере на согласие и поддержку сильных мира сего. А утопические надежды невольно и неминуемо приводят к реакционной тактике, ибо в интересах дела приходится ладить с властью, которая всегда анти-прогрессивна, и проповедывать массам разлагающую политическую пассивность. Так действовали первые социалисты; так действовали и сионисты в юношеской стадии своего развития. В тот момент, когда сионизм вступил в острый фазис непосредственной конкуренции с Бундом, конкретное сионистическое движение носило безусловно утопический и реакционный характер.

Исторически оно так и должно было быть, и не могло быть иначе, и все это являлось с какой стороны не может служить поводом для „упреков“ по нашему адресу. При рассмотрении исторических процессов вообще неуместно упрекать или хвалить, осуждать или одобрять. Все, что было, должно было быть, и не только в том полу-абстрактном смысле, что все совершающееся предопределено законами причинности, но главным образом в том смысле, что в процессе развития всякая стадия по-своему полна и целесообразна. Если бы социалистический идеал сразу явился на свет во всеоружии своих нынешних методов, с классовой и политической борьбой, профессиональными союзами и программой-минимум, — он не привлек бы сторонников ни в одном слое неподготовленного общества: план показался бы сразу зануленным, противоречивым и громоздким, сложность методов заслонила бы

идеалъ, и въ концѣ концовъ изъ за деревьевъ было бы не видно леса. Утопическая форма полезна именно потому, что она сразу обольщаетъ красотой идеала и въ то же время не отпугиваетъ трудностями и продолжительностью предстоящаго пути; въ этой упрощенной оцннкѣ идеалъ съ большей легкостью привлекаетъ приверженцевъ, а когда они постепенно сродняются со своей новой вѣрой, тогда становится возможнымъ пересмотръ старыхъ плановъ реализаціи и замѣна ихъ новыми, болѣе сложными чертежами. Утопическій періодъ необходимъ, ибо иначе идеалъ не можетъ быть воспринять широкими кругами приверженцевъ, и только послѣ обязательнаго завершепія этой утопически-реакціонной стадіи возможна выработка истинныхъ методовъ движенія, гдѣ добрая воля власти нмущихъ замѣняется организаціей народныхъ силъ, а скачокъ изъ рабства въ свободу — планомѣрнымъ и постепеннымъ завоеваніемъ позицій.

Въ концѣ девяностыхъ годовъ XIX вѣка сіонизмъ переживалъ разгаръ своего отрочества. Методы его были утопичны; практика его была реакціонно-насищенная, — причеиъ я имѣю въ виду, конечно, не ея скептическое отношеніе къ борьбѣ съ городскими, бесплодной для Россіи и разорительной для еврейства, а полное отсутствіе какой бы то ни было программы политическаго дѣйствія для діаспоры или Палестины. Рабочая же масса въ это время была насквозь пропитана субъективнымъ порывомъ къ политическому дѣйствио, и не вина Бунда, если объективныя условія голоса сводили всё его отчаянныя усилія къ ничтожнымъ царапинамъ на толстой кожѣ самодержавія. Сіонисты пришли къ рабочей массѣ не только со своимъ идеаломъ, но и со своимъ тогдашнимъ настроеніемъ; со стороны Бунда это настроеніе могло только вызвать негодованіе и споръ. Такъ оно и было.

Второй и главный источникъ ненависти коренился въ руководителяхъ Бунда. Имъ ему — ассимиляторство. Во то время эти руководители, принявшіе на III съѣздѣ въ 1900 году знаменитое постановленіе: «Бундъ въ числѣ своихъ политическихъ требованій выставляетъ требованіе только гражданскаго, а не національнаго равноправія», были ассимиляторами даже формально, по своей политической программѣ; но они остались ассимиляторами и послѣ того, какъ на IV съѣздѣ въ 1901 году провозгласили требованіе національной автономіи, которую сейчасъ же послѣ съѣзда поспѣшили ограничить „вопросами культуры и языка“, и къ которой на томъ

же съѣдѣ прѣвѣляя парочито-извинительную резолюцію о томъ, что „выставленіе“ этой самой автономіи пока „преждевременно“, ибо изъ него можетъ получиться „раздуваніе національнаго чувства“... Надо вообще свыснуться съ мыслью, что слово „ассимиляторъ“ нельзя понимать буквально въ этимологическомъ его смыслѣ. Такихъ ассимиляторовъ, которые добивались бы дѣйствительнаго и полнаго *уподобленія* еврея не-еврею, почти уже не осталось на свѣтѣ. Всѣ понимаютъ или догадываются, что полное и безповоротное *уподобленіе* возможно лишь на почвѣ физиологическаго скрещенія, а это „средство“ не поддается, конечно, включенію въ серьезную политическую программу; что же касается до питіи-культурной ассимиляціи — до *уподобленія* въ языкѣ, въ умственной пищѣ и т. д., то слишкомъ ужъ это все грубо противорѣчить элементарнымъ принципамъ человѣческаго равенства или такимъ основнымъ истинамъ, какъ народный языкъ въ народной школѣ, правъ языковъ въ судѣ, и прочая. Такимъ образомъ на нашихъ глазахъ нарождается цѣлое поколѣніе „національ-ассимиляторовъ“, которые, скрѣпя сердце, не протестуютъ болѣе противъ сохраненія еврейскаго культурнаго облика и даже иногда вполне удачно усваиваютъ себѣ ходячія слова націоналистической фразеологіи, но въ сущности насквозь остаются ассимиляторами. Ибо основная черта ассимиляторства та, что оно органически не можетъ примириться съ мыслью о *самодовольствіи* еврействѣ. Ассимиляторская психологія *связана* съ убѣжденіемъ, что еврейскій народъ не самоцѣль, а средство для хозяйскаго преуспѣванія, и какія бы гордыя фразы о *національномъ* достоинствѣ ни выучился произносить ассимиляторъ, отъ этого убѣжденія онъ не въ силахъ отрѣшиться. Малѣйшій намекъ на то, что разнѣтію еврейской исторіи должно оторвать нашъ народъ отъ той самой русской атмосферы, продуктами которой онъ, ассимиляторъ, питался если не со дня рожденія, то со дня вступленія въ сознательную жизнь, — намекъ на это приводитъ его въ бѣшенство. Такъ какъ еврейство до послѣднихъ лѣтъ жило въ *политическомъ* смыслѣ только отраженной жизнью, онъ не привыкъ рисовать себѣ прогрессъ въ формѣ самостоятельно-еврейскихъ пороживаній: для него прогрессъ — это то, что пороживаютъ русскіе, поляки, ибиди, и къ чему европѣ прикинулись на буксирѣ; и потому всякая попытка сорвать еврейскій народъ съ букеира во имя независимаго политическаго творчества кажется ему, часто вполне искренно, измѣной прогрессу. Онъ пойдетъ на всѣ уступки, санк-

ципирует, не только жаргон, но даже трезно-еврейский язык, будет сь угра до почи декламировать вамь на тему „лири оной-хи“, — только не носягайте на его территориально-государственную африонодданность, только не принуждайте его, привыкшаго мнить себя однимъ изъ участниковъ грандиозной стосорокамиллионной россійской общестности, превратиться вдругъ и сразу въ не болѣе какъ члена крохотной еврейской народности... Въ сущности это пересѣдѣе ассимиляторство новѣйшаго образца происходитъ изъ того же источника рабской влюбленности въ богатство панскаго быта, что и откровенная ассимиляція прежняго типа — та, которую авторъ „Рабства въ свободѣ“ заклеилъ у французскихъ евреевъ и яркій образчикъ которой изобразилъ недавно Шоломъ Аншъ въ лири Юстины изъ „Meschiach's Zeiten“. А у социаль-демократовъ эта ассимиляторская жилка усиливается еще благодаря тому, что признаніе наличности обще-національных задачъ дѣйствительно должно неминуемо ослабить интенсивность классовой борьбы внутри націи. Это роковое обстоятельство дѣлаетъ социалистовъ въ національномъ вопросѣ неизмѣримо болѣе раздражительными и нетерпимыми по сравнению съ примеряемыми буржуазно-демократическими дознами. И какъ ни правъ г. Цетербаумъ въ цитатѣ, которую я привелъ, все-таки нетерпимость и раздраженіе естественно должны были принять особенно рѣзкую форму, когда въ качествѣ такой общенаціональной задачи былъ выдвинутъ идеалъ сіонизма, требующій совершенно безиримѣрнаго, едва-ли не всенепослѣдующаго напряженія національных силъ и, по крайней мѣрѣ по вѣрности, отстраненія внутреннихъ противорѣчій на далекій задній планъ. И такъ какъ это ассимиляторское настроеніе, лишь замаскированное, въ то время еще господствовало въ Бундѣ (какъ я уже указывалъ) даже формально, въ смыслѣ программы, — то рѣзкій радикализмъ сіонистическаго отвѣта на еврейскій вопросъ не могъ не возмутить до глубины души вожаковъ этой партіи, которые и теперь, въ 1906 г., откровенно объявляютъ себя оппортунистами въ области національной проблемы *). Нуъ, этихъ вожаковъ еврейскаго революціоннаго движенія, болѣе чѣмъ всѣхъ другихъ еврейскихъ интеллигентовъ, задѣла и оскорбляла омерзительная примоднейность сіонизма, ибо они-то болѣе всѣхъ другихъ еврейскихъ интеллигентовъ привыкли считать себя не только участниками, но и творцами россійской об-

*; См. статью г. Гейлихмана въ № 7 „Нашего Слова“.

пестивности.—и вдругъ имъ крикнули въ лицо, что все это само-
обманъ, что на російскую общественность они не могутъ имѣть
никакого вліянія, что весь ихъ героизмъ напрасенъ и всѣ ихъ
жертвы бесполезны, и что въ обновленной Россіи ихъ и насъ точно
такъ-же оттиснутъ на задворки, съ бранью и насиліемъ, какъ до
обновленія. Все это была святая правда. Но если бы въ то время
самъ Богъ низотель съ неба возвѣстить эту правду, единственнымъ
психологически-возможнымъ отвѣтомъ на нее оказался бы взрывъ
непримиримаго раздраженія. Такъ оно и было.

Но раздраженіе само по себѣ не могло бы привести къ той
интенсивной ненависти, какую Бундъ всегда проявлялъ къ сіонизму,
если бы оно не совпало съ другимъ чувствомъ — съ опасеніемъ.
Полагаю, что доказывать наличность этого бундовскаго страха предъ
сіонизмомъ — совершенно излишне: врядъ ли кто нибудь рѣшится
отрицать такую очевидную вещь. Впрочемъ, все дальнейшее изложеніе,
понимая даже мой полъ, будетъ доказывать и напоминать вамъ объ
этомъ чувствѣ опасенія. По количеству энергій, изъ году въ годъ
расходуемой Бундомъ на борьбу противъ сіонизма, по тому значенію,
которое Бундъ всегда придавалъ этой борьбѣ, хвастаясь ею даже
на **международныхъ** конгрессахъ, — наконецъ по характеру самой
эволюціи бундовскаго націонализма вы на каждомъ шагѣ вынуждены
будете заключить: *такъ* воюють только съ тѣмъ конкурентомъ,
котораго очень боятся.

Но въ такомъ случаѣ собственно самъ собою падаетъ во-
просъ, который я раньше поставилъ: почему опасеніе? Причина бо-
язни въ подобныхъ случаяхъ ясна изъ самого факта боязни: при-
знать идею *опасной* значить тѣмъ самымъ признать ее *соблазни-
тельной* — признать, что въ ней есть нечто способное привлечь
и увлечь нашу паству. Другого объясненія быть не можетъ. И то
множество желча и неправды, которое за эти годы пущено было
Бундомъ въ ходъ противъ сіонизма, всегда служило намъ яркимъ
показателемъ, какъ мало вѣрили сами вожаки Бунда въ свои соб-
ственные клятвенныя завѣренія, что, молъ, «эти теченія успе-
ха среди еврейскихъ рабочихъ не имѣютъ и имѣть не могутъ» *).
Вся многолѣтняя тактика этихъ вожаковъ по адресу нашего движе-
нія говоритъ неопровержимо, что даже подъ реакціонной одеждой
своего отроческаго періода оно включало нечто въ высшей степени

*) На амстерд. конгрессѣ. См. дальше.

привлекательное для еврейского рабочего, — даже при покушении съ явно-пеготными средствами оно все-таки грозило овладѣть душою массы, и они, руководители, чувствовали эту возможность. Своею травлей они только расписывались въ томъ, что, впрочемъ, и безъ нихъ должно было быть ясно каждому здоровому человѣку — что идея національной независимости могла быть предметомъ ненависти только для ассимилятора, но въ сознании простой и цѣльной массы эта идея задрала бы сильныя струны...

Такова была картина къ концу прошлаго столѣтія. Бундъ владѣлъ еврейской рабочей массой, сіонизмъ пытался проникнуть въ ея среду; сіонизмъ того періода былъ облеченъ въ самую непривлекательную форму, но и въ этомъ видѣ онъ показался руководителямъ Бунда сильнымъ и опаснымъ конкурентомъ, и непривлекательная виѣнность соперника только усилила ихъ ненависть, вытекавшую въ основѣ изъ глубокой ассимиляторской завязки, но не уменьшила страха. И первое формальное сраженіе, данное Бундомъ нашему движенію на знаменитомъ IV съѣздѣ въ 1901 году, было въ то же время выразительной манифестаціей этого страха предъ натискомъ сіонизма.

Два подтвержденія своей боязни далъ Бундъ на этомъ IV съѣздѣ.

Первое изъ нихъ — резолюція о сіонистахъ. Не та теоретическая резолюція о сіонизмѣ, которая принята была въ томъ же за-сѣданіи и по представлѣть ровно никакой цѣности даже изъ смысла критики дѣйствительно-слабыхъ сторонъ тогдашняго сіонизма, — а практическое постановленіе о сіонистахъ. Вотъ соответствующее мѣсто изъ официальнаго отчета о IV съѣздѣ:

Оживленный обмѣнъ мыслей вызвалъ затѣмъ возбужденный однимъ изъ членовъ вопросъ, можно-ли принимать въ наши экономическія и политическія организации рабочихъ сіонистовъ, если таковые гдѣ либо имѣются. Многими организаторами были выяснены различныя неудобства и вредныя послѣдствія, могущія произтекать отъ участія сіонистовъ даже во временныя соціально-демократическія организаціяхъ. Было поэтому постановлено, что

„ни въ экономическія, ни въ политическія наши организаціи сіонисты не должны быть ни въ коемъ случаѣ допускаемы“.

Въ этомъ херемѣ особенно замѣчательно то, что сіонисты исключаются даже изъ *экономическихъ* организацій. Между тѣмъ, напримѣръ, въ «Исторіи еврейскаго рабочаго движенія» на стр. 84

вы найдете заявление о томъ, что въ эти свои экономическія организаціи Бундъ широко открываетъ доступъ *всякому* рабочему, *желавшему* бороться за улучшение своего матеріальнаго положенія, *не требую для этого ничего, кромѣ простой доброты порядочности*. Какъ видите, сіонисты не просто исключены, а такъ сказать поставлены вѣтъ закона, ибо изгнаніе за убѣжденія бесспорно идетъ въ разрѣзъ съ общепринятымъ пониманіемъ самой идеи экономической организаціи. Это очень характерное условіе, ибо ему есть очень характерныя аналогіи въ западно-европейской исторіи и практикѣ. Аналогіи эти доказываютъ, что такая чрезвычайная мѣра — изъятіе изъ общаго правила — пускается въ ходъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда идея, противъ приверженцевъ которой направлено это средство, дѣйствительно заключаетъ въ себѣ нѣчто неотразимо увлекательное для массы. Достаточно вспомнить, что буржуазные демократы «Молодой Германіи» тоже допускали въ свои рабочіе ферейны „вѣхт“, кромѣ коммунистовъ; и точно такъ-же католическіе профессиональные союзы Германіи до послѣдняго года не принимали въ свою среду рабочихъ социаль-демократовъ. Очевидно, и либералы 48 года, и клерикалы нынѣшняго центра хорошо поняли, что есть идеалы, вытекающіе изъ самой жизни, и съ такими идеалами нельзя бороться доводами: ихъ надо просто устранять изъ поля зрѣнія пасомаго стада, не допускать никакого соприкосновенія, потому что въ нихъ слишкомъ много правды...

Но главнымъ и торжественнымъ подтвержденіемъ страха предъ сіонизмомъ было на IV съѣздѣ нѣчто куда болѣе важное, чѣмъ резолюція о недопущеніи крамолы въ бундовскіе казармы: главнымъ подтвержденіемъ былъ шагъ, дѣйствительно положившій начало новой эрѣ въ еврейскомъ рабочемъ движеніи. — рискованный шагъ, имѣвшій для Бунда большія и серьезныя послѣдствія. Это была извѣстная резолюція о національной автономіи*), резолюція, помощью

*) Критикой бундовской автономіи по существу, какъ уже сказать, я займусь въ другой разъ; здѣсь только напомнимъ для слабо знакомыхъ съ этимъ вопросомъ, что въ нынѣшней своей формѣ эта автономія сводится исключительно къ праву каждой націи самостоятельно заводить своими просвѣтительными учрежденіями—школами, музеями и т. п. Больше ничего, никакія другія дѣла въ національную автономію не входятъ. Это называется національно-„культурной“ автономіей и представляетъ, по мнѣнію Бунда, вполне достаточный отвѣтъ на экономическое вытѣсненіе, общественный бойкотъ, эмиграцію и погромы.

которой Бундъ попытался вложить, наконецъ, исчерпывающее конкретное содержаніе въ принципъ «особыхъ интересовъ»,—въ основной принципъ, провозглашенный еще въ 1897 году самымъ фактомъ возникновенія Бунда.

Въ сіонистической печати уже было доказано, что эта попытка IV съезда была сдѣлана подъ давленіемъ сіонизма. Никакія возраженія противъ этой фактической истины не могутъ имѣть силы, потому что у насъ о томъ есть официальное свидѣтельское показаніе самого Бунда въ видѣ изданной центральнымъ комитетомъ брошюры подъ заглавіемъ «Къ вопросу о національной автономіи и т. д.» Въ этой брошюрѣ на стр. 6 напечатаны слѣдующія, уже довольно часто цитированныя признанія:

Въ Бундѣ отсутствіе опредѣленнаго взгляда на національный вопросъ давало себя чувствовать на каждомъ шагѣ. Еврейскій пролетаріатъ принадлежитъ къ одной изъ наиболѣе угнетенныхъ націй въ Россіи. Онъ живетъ, къ тому, на окраинахъ Россіи, среди множества другихъ преслѣдуемыхъ народовъ—поляковъ, литовцевъ, латышей, малороссовъ, востовъ, бѣлоруссовъ и т. д. У каждой изъ этихъ національностей есть своя національная программа и требованія. Нѣкоторыя изъ нихъ стараются привлечь еврейскихъ рабочихъ на свою сторону, дабы они усвоили ихъ точку зрѣнія и защищали ихъ программу. И въ средѣ самого еврейства имѣются буржуазныя партіи, представляющія опредѣленный еврейскій національный идеалъ и старающіяся привлечь на свою сторону и еврейскихъ рабочихъ. Спрашивается, можетъ ли при такихъ условіяхъ Бундъ довольствоваться неопредѣленнымъ и растяжимымъ понятіемъ: «право самоопредѣленія»? Не рискуетъ ли онъ съ этимъ «правомъ самоопредѣленія» потерять всякое чутье дѣйствительности?

Национальный вопросъ назрѣлъ и никакими заклинаніями въ его не устранить; рѣшеніе его можно отсрочить на годъ, на два, какъ это попытался сдѣлать III съездъ, но затѣмъ отвѣтъ всетаки нужно будетъ дать. Если мы этого не сдѣлаемъ, то это сдѣлаютъ другіе, сдѣлаетъ буржуазная интеллигенція, которая, конечно, постарается вызвать наружу дурныя страсти массы и воспользоваться ими для своихъ цѣлей. Мало того, буржуазная интеллигенція въ лицѣ сіонистовъ разныхъ факцій уже выступаетъ съ національной программой и все настойчивѣе стремится отвлечь еврейскихъ рабочихъ отъ социаль-демократическаго движенія. И если мы не хотимъ, чтобы вліяніе на умы рабочихъ прислѣбли партій, враждебныхъ рабочему движенію, если мы хотимъ помѣшать развитію сіонизма въ средѣ еврейскихъ рабочихъ, мы должны взять національный вопросъ въ свои собственныя руки и разрѣшить его въ социаль-демократическомъ смыслѣ.

Комментарии могли бы только затуманить похвальную ясность этой исповеди; но не лишне будет подтвердить ее новым, уже совсем свежим и столь же авторитетным подтверждением. Оно содержится в недавно изданном отчете о прениях на VII конференции Бунда по вопросу о воссоединении с Российской партией *). Перелистывая эту брошюру, вы чуть ли не на каждой странице, чуть ли не у каждого оратора встречаете повторение одной и той же мысли: если партия заставит нас отказаться от «культурной» автономии, масса уйдет к сионистам! Единственный, кто запротестовал против этой угрозы, был делегат г. Зельцерь: он шумно заявил, что думать так значит оскорблять еврейский пролетариат, а на самом деле сионисты не страшны. Ему очень аплодировали. Но с тех пор, кажется, прошло не так много времени, а между тем в 6-м № „Нашего Слова“ тот самый г. Зельцерь принял следующую знаковую попку:

...Мы подчеркиваем вероятность того, что партия выскажется против культурно-национальной автономии, и спрашиваем товарищей из „большинства“ **) — что же будет тогда? Неужели вы и в этом вопросе отречетесь от своих взглядов, санкционируете решения, диаметрально противоположные вашим убеждениям — и предоставите еврейский пролетариат в жертву сионистической демагогии?

Надо полагать, г. Зельцерь не сбуктабарахты говорить сегодня одно, а завтра другое. Надо полагать, его переубедило البته близкое знакомство с настроением массы...

Сам г. Зельцерь, быть может, совершенно искренний националист и действительно верить, что „культурная“ автономия хороша и полезна сама по себе, как решение еврейской проблемы. Но угрожающий вопрос, которым он в конце этой выписки старается запугать своих товарищей (хорошо, повидимому, зная их психологию), — этот вопрос доказывает, что в глазах руководителей Бунда главным назначением автономии все-таки остается та ее старая роль громового молота против сионизма. Ради этой цели ее выставили, ради этой цели ее надо сохранить.

*) Къ вопросу объ объединеніи. Извлечение изъ протоколовъ VII съѣзда Бунда. Стр. 7, 15, 23, 40 и др.

**) Рѣчь идетъ о Бундѣ „большинства“, стоявшемъ, какъ видно, за объединеніе. — Еж. Ж.

Около того же времени, когда въ Бундѣ назрѣвала „національная автономія“, въ окружающей русской дѣйствительности, по странному совпадению, наблюдалось аналогичное, хоть и къ другой области относящееся явление. Агенты самодержавія пришли къ убѣжденію, что рабочій вопросъ «назрѣлъ, и никакими заключеніями въ его не устранишь», а потому необходимо дать боевой энергіи пролетаріата безвредный громоводъ, который ствлекать бы рабочихъ отъ социализма и политической борьбы. Такъ явилась на свѣтъ теорія «независимцевъ». — Но провожу знака равенства между Бундомъ и агентами самодержавія, но выставленіе національной автономіи на IV съѣздѣ Бунда было актомъ національной зубатовщины. И подобно тому, какъ настоящая зубатовщина субъективно была задумана для уничтоженія социаль-демократіи, но объективно означала отступленіе самодержавія подъ натискомъ социаль-демократіи, — такъ же точно и націоналізація бундовской программы, затѣянная ради борьбы съ сіонизмомъ, была на самомъ дѣлѣ уступкой сіонизму.

IV.

Это противорѣчіе между наміреніями и результатами очень характерно для дальнѣйшаго развитія Бунда, какъ національной партіи: можно смѣло сказать, что вся послѣдующая исторія бундовскаго націоналізма и организационныхъ мытарствъ на этой почвѣ цѣлкомъ сводится къ глухой и упорной борьбѣ между объективными тенденціями еврейскаго рабочаго движенія и субъективными настроеніями руководителей Бунда. И любопытная подробность: чѣмъ сильнее берутъ верхъ объективныя тенденціи движенія, чѣмъ ярче отражается на эволюціи Бунда вліяніе сіонизма, тѣмъ рѣзче выступаетъ и подчеркивается субъективная вражда. Ее усугубляетъ еще то обстоятельство, что Бундъ находится между двухъ огней — при всей своей организационной самостоятельности онъ въ идейномъ отношеніи все время невольно чувствуетъ себя вассаломъ Россійской партіи и старается елико возможно оправдаться въ подозрительныхъ глазахъ женеваго св. престола. Для этого пускается въ ходъ самый упрощенный и самый наивный изъ пріемовъ оправданія — брать по адресу тѣхъ, у кого только что позаимствовался. Слѣды этого пріема есть еще въ »Поворотномъ пунктѣ«, хотя въ этой брошюрѣ собственно о сіонизмѣ, переживавшемъ тогда — наканунѣ — отступленія Герцля — глубокой упадокъ, даже не упоминается. Эти

уверения, «застойныя» заявления почтеннейшей публики, что въ еврейской буржуазии и интеллигенціи никогда не возникала мысль о самостоятельности еврейскаго народа, что идея автономизаціи открыта впервые «нами» и вотъ именно сегодня, 2-го мая 1895 г., — уже и эти характерныя детали перваго лепета Бунда сильно говорить о желаніи, одновременно съ провозглашеніемъ «новаго слова», тутъ-же отреститься и отпереться отъ всякаго знакомства съ тѣмъ козодцемъ, откуда въ сущности почерпнуто «новое слово». На IV съѣздѣ отбращиваніе выразилось, конечно, гораздо рѣзче. Я уже говорилъ, что тутъ же были приняты строгія резолюціи противъ сіонизма и сіонистовъ; и съ этого момента борьба идетъ въ непрерывно-ростущемъ обостреніи. Послѣ выхода Бунда изъ Россійской партіи, ярко подчеркнутаго ненормальною «кашнерностью» еврейской рабочей организаціи, бундовскія старанія облить себя посредствомъ отверженія сіонизма припляли совершенно отчаянные размѣры.

Психология, впрочемъ, совершенно понятная. Легко себѣ представить, въ какое состояніе приводили вожаконъ Бунда такіе отзывы «свышнихъ», какъ хотя бы извѣстная статья въ № 56 «Нескры» подъ заглавіемъ «Разложеніе сіонизма и его возможные преемники». Тамъ, напомню, говорилось:

...Именно внутренняя логика этой самой борьбы съ сіонизмомъ и вливала націоналистическое содержаніе въ политическую агитацію Бунда. Политическая борьба чаще всего бываетъ въ то же время политической конкуренціей, въ которой многому научаются отъ врага. Взятый объективно, онъ (Бундъ) представляеть теперь собою агитаціонный аппаратъ, наиболѣе пригодный для совлеченія еврейскаго пролетаріата съ пути революціоннаго социаль-демократизма на путь революціонно-демократическаго націонализма. Конечно въ субъективно-миз сознаниіи вождей Бунда сохранилось еще достаточно социаль-демократическихъ «переживаній», чтобы бороться противъ такого совлеченія. Но логика фактовъ сильнѣе, чѣмъ косность мысли.

Сни (буржуазные демократы, сіонисты тожъ) придуть — они и дуть уже — и властно отстранять тѣхъ, которые покажутся имъ доктринерами *)

Фактъ, на который указано въ послѣднихъ словахъ «Нескры» — «они дуютъ уже» — менѣе всего, конечно, могъ содѣйствовать успокоенію бундовской перниности. Если необходимость поддаваться давленію буржуазно-интеллигентскаго сіонизма приводила вожаконъ

*) Цитирую по «Вѣстнику Бунда», № 1—2, стр. 25.

Вунда въ состояніе раздраженія, то упорное развитіе специально-рабочаго сіонизма повышало это раздраженіе до совершенно неприемлемыхъ размѣровъ. Форма, въ которыхъ оно проявлялось, были иногда до такой степени своеобразны, что даже трудно понять, какъ могла политическая партія настолько забыть о собственномъ достоинствѣ. Клевета, бойкотъ, насилие — весь этотъ каменный градъ, которымъ бундовцы въ разныхъ углахъ черты пытались засыпать на смерть первые всходы рабочаго сіонизма, достаточно извѣстенъ еврейской публикѣ; и на немъ не останавлиюсь еще и потому, что Вундъ, какъ таковой, можетъ всегда свалить ответственность за все эти эксцессы на плечи отдельныхъ бундовцевъ. Но и въ *официальныхъ* актахъ Вунда сохранился одинъ любопытный памятникъ, изъ котораго стоитъ привести соответствующую выдержку. Въ докладѣ делегаціи Вунда международному социалистическому конгрессу въ Амстердамѣ цѣлая страница посвящена заслугамъ Вунда по борьбе съ націоналистическими теченіями: что уже само по себѣ доказываетъ нѣкоторую степень „личной совѣсти“, безпокойное желаніе „забѣжать впередъ“ на случай, если тамъ самихъ попрекнуть націонализмомъ. По шедшему „забѣганію“ надо признать слѣдующія строки на этой страницѣ:

„Сіонизмъ началъ разлагаться: изъ него начали выдѣляться теченія, которыя подъ маской „народолюбія“ стараются ассимилировать себѣ еврейскій пролетаріатъ и привить ему буржуазную идеологію; для этого они выступаютъ подъ модными „демократическими“ и „соціалистическими“ кличками („сіонисты-демократы“, „сіонисты-соціалисты“, „сіонисты-работчіе“ или „попалей-Ціонъ“) и заговариваютъ объ экономическихъ стачкахъ, которыя они предполагаютъ вести, оставаясь въ сторонѣ отъ политической борьбы, о „политикѣ“, которая у нихъ не идетъ дальше личныхъ нападокъ на Плева и дешевыхъ антиправительственныхъ возгласовъ (въ воззваніяхъ) вроде „долгой и т. д.“ о социализмѣ, борьбу за который они откладываютъ до переселенія евреевъ въ Палестину. Эти теченія успѣха среди еврейскихъ рабочихъ не имѣютъ и имѣть не могутъ, они возникли слишкомъ поздно, теперь еврейскій пролетаріатъ уже достаточно сознательнъ для того, чтобы подъ новой кожой сіонизма ясно различить его старое реакціонное и буржуазное содержаніе. Правда, „попалей-Ціонъ“ („сіонисты работчіе“) насадили въ нѣкоторыхъ городахъ Россіи группки, присвоили имъ, по примѣру революціонныхъ организацій, громкое названіе „комитетовъ“ и начали игру въ революцію; но это только одна мишура: въ дѣйствительности эти „комитеты“ состоятъ изъ націоналистически настроенныхъ полуинтеллигентовъ и ведутъ за собою пару десятковъ совер-

шенио неосознательных рабочих. Это такой „успѣхъ“ среди еврейскихъ рабочихъ, которому врядъ-ли кто-нибудь позавидуетъ („Докладъ“, стр. 14—15).

Мнѣ кажется, что въ ряду памятниковъ партійной грезни этотъ документъ, пошловатый тонъ котораго поражаетъ даже въ сравненіи съ обычнымъ бундовскимъ уровнемъ, долженъ занять совершенно особое мѣсто. На конгрессѣ въ Амстердамѣ не была представлена ни одна изъ социалъ-сionистическихъ фракцій. Какъ можно было въ отсутствіе противника публично разрѣшить себѣ такое шельмованіе, наперекоръ всѣмъ азбучнымъ основамъ простой чело-вѣческой и политической порядочности.—для разгадки этой психо-логической странности можетъ послужить, повторяю, одна только субъективная необходимость кричать по все горло и на лѣбъ перекресткахъ, что на васъ планка вовсе не горитъ,—зудъ нечистой совѣсти, который лучше всякаго перекрестнаго вопроса развива-етъ языкъ подозреваемаго и о которомъ есть пародная поговорка: знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

Но не только въ этомъ выразилась тенденція откровенія и заветашія слѣдовъ: (еще любопытнѣе и характернѣе другой приемъ, начало которому положено было на томъ-же IV съѣздѣ. Знамени-тая «національная» резолюція этого съѣзда заключала двѣ части. Первая—въ изложеніи officialнаго отчета—гласила такъ:

Съѣздъ признаетъ, что государство, подобно Россіи состо-ящее изъ множества разнородныхъ національностей, должно въ будущемъ преобразоваться въ федерацію національностей съ полной національной автономіей каждой изъ нихъ, независимо отъ обитаемой ею территоріи.

Съѣздъ признаетъ, что понятіе „національность“ примѣ-нимо и къ еврейскому народу.

Въ скобкахъ надо замѣтить: такова первая часть по офи-ціальному отчету (стр. 14); какова была ея редакция въ действительности, я до сихъ поръ не могъ себѣ вынести. Ибо чрезъ нѣ-сколько времени послѣ IV съѣзда въ «Искрѣ» появилось письмо въ редакцію съ опять таки officialнымъ заявленіемъ, что въ текстѣ резолюціи вкралась описка и вмѣсто «полной національной автономіи» имѣлась въ виду только автономія въ вопросахъ языка и «культуры». Какъ могла получиться такая „описка“, охватыва-ющая чуть ли не всю пропасть между бундизмомъ и нипѣшнымъ сionизмомъ, это опять «странность», тоже какъ ни какъ говоря-

ная объ одновременномъ присутствіи двухъ несомѣстимыхъ желаній— съ одной стороны, дать „полный“ отвѣтъ и тѣмъ убить сіонизмъ, а съ другой стороны — елико возможно затушить свою націоналистическую ересь. Однако самымъ яркимъ выраженіемъ этой борьбы ангела съ дьяволомъ и даже побѣды ангела является вторая часть резолюціи, которая, слава Богу, имѣется въ одной и безусловно истинной редакціи. Вотъ она:

Считая, однако, преждевременнымъ выставленіе при нѣмъшнихъ условіяхъ требованія національной автономіи для евреевъ, съѣздъ находитъ въ настоящее время достаточнымъ бороться за отмену всѣхъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ, отмѣнчать и протестовать противъ проявленій угнетенія еврейской національности избѣгая раздуванія національнаго чувства, могущаго лишь затуманить классовое сознаніе пролетаріата и велуцано къ шовинизму.

Закрывъ глаза, можно по этому отрывку опредѣлить весь, такъ сказать, химическій составъ IV съѣзда. Въ этомъ составѣ, очевидно, переплелись тѣ же двѣ несоединимыя тенденціи — сдѣлать и не показать виду, провозгласить и задумшить, дать и скрыть. «Дать» было необходимо ради борьбы съ конкурентомъ, и въ то же время „дать“ значитъ набросить на себя тѣнь не только въ глазахъ партійнаго раввина, но и предъ собственной ассимиляторской свѣстью. И вотъ съ одной стороны „выставляется“ автономія, которая съ другой стороны тутъ же заставляется плотными ширмами; съ одной стороны провозглашается, что евреи—нація, съ другой стороны тутъ же предлагается анаомѣ самая естественная въ усипетенной націи вещь —національное чувство, и вообще предлагается поменьше разговаривать обо всѣхъ этихъ опасныхъ и подозрительныхъ предметахъ. Водружается національное знамя, и на немъ начертано: *Ohn Judentum...*

Весь IV съѣздъ выразился въ этомъ отрывкѣ; но въ IV съѣздѣ выразился весь Бундъ съ его духовною робостью, творческимъ бесплодіемъ, органической неспособностью къ размаху, къ полному горизонту. Изъ самой души Бунда вылился мудрый заветъ этого съѣзда: поменьше шуму вокругъ національнаго знамени!—и руководители Бунда дѣйствительно сумѣли свято и строго сохранить этотъ заветъ. Правда, нападки «Искры» съ одной стороны и критика социаль-сіонистовъ съ другой нередко вынуждали бундовскихъ дѣятелей нарушать объѣтъ молчанія устно и въ печати, но по собственной инициативѣ они его никогда не преступали. Изобрѣтен-

ная ради зубатовских дѣл и только ради нихъ, національная программа честно содержалась подъ спудомъ и вытаскивалась отту да являть тогда, когда этого необходимо требовала борьба съ конкурентами. Самъ же по себѣ новый національный лозунгъ былъ имъ чуждъ и неудобенъ; вопреки словамъ «Поворотнаго пункта» о политической дѣятельности національнаго самосознанія, они пальцемъ о палецъ по собственному почину не ударили для того, чтобы дать массѣ ясное пониманіе дѣйствительнаго положенія и дѣйствительныхъ нуждъ еврейскаго народа. Принципъ «особыхъ интересовъ» былъ провозглашенъ въ 1897-омъ году; 1901 году ознаменовался попыткою вложить въ этотъ принципъ некоторое конкретное содержаніе, но съ такой видою нерѣшительностью, съ такою анемической неполнотою, что принципиальная позиція Бунда, какъ національно-обособленной организаціи, ничего не выиграла, ни на югу не упрочилась, и основной вопросъ о томъ, во имя чего же, наконецъ, должны быть выдѣлены въ особое замкнутое цѣлое силы еврейскаго пролетаріата, — остался открытымъ.

Прошло два года, и на II съѣздѣ Россійской партіи вопросъ этотъ былъ заданъ Бунду съ исчерпывающей рѣзкостью и прямою. Ответъ Бунда извѣстенъ: онъ повернулся и ушелъ.

V.

Теперь Бундъ собирается обратно вступить или, быть можетъ, уже вступилъ въ Р. партію; такимъ образомъ, трехлѣтній періодъ бундовскаго изпачиванія отходитъ въ исторію, и мы съ тѣмъ большими правами можемъ вдуматься въ этотъ поучительный казусъ.

Въ такъ называемой большой публикѣ до сихъ поръ принято думать, что Бундъ развелся съ Р. партіей изъ за его національной программы: Р. партія молъ, ея не признала, высказалась противъ «національно-культурной» автономіи, и Бунду пришлось или подчиниться, или уйти. — Великій осѣдломленный человѣкъ, конечно, знаетъ, что это было совсемъ не такъ: — вопросъ о національной программѣ не игралъ никакой роли въ столкновеніи, рѣчь шла только о національной организаціи еврейскаго пролетаріата. Бундовскіе ораторы въ дискуссіяхъ часто и настоячиво даже настаивали на это обстоятельство, утверждали, что сіюшны напрасно раздумывать инцидентъ, на самомъ же дѣлѣ разрывать произошло не по принципиальнымъ, а «только» по организационнымъ вопросамъ. Но въ томъ-то и суть, что въ данномъ случаѣ организационный вопросъ

быть несравненно важнее программное, и развить на этом пункте неизмеримо глубже. Въ вопросе о «культурной» автономии можно не столкнуться сегодня, но завтра друг друга переубедить стороны при этом взаимно откажутся от своих заблуждений, но ни одна при этом не вынуждена будет поступиться въ пользу другой своими реальными правами и интересами. Совсем другое дѣло организационный споръ. Бундъ требовалъ себѣ «единственного представительства», т. е. исключительнаго права автономно вести социаль-демократическую работу среди еврейскаго пролетаріата всей Россіи, безъ различія мѣстности; если не непосредственно, то въ конечномъ итогѣ это требованіе сводилось къ тому, чтобы органы Р. партіи, самостоятельно ведущіе работу въ еврейской массѣ на югѣ и во внутреннихъ губерніяхъ, мало по малу съ теченіемъ времени передали ее всю въ руки Бунда. Партія же требовала, наоборотъ, чтобы дѣятельность Бунда была ограничена рамками Литвы и Польши, безъ права работать въ остальной части Россіи, да и въ самомъ этомъ бундовскомъ районѣ партійные комитеты имѣли бы полное право вести самостоятельную массовую работу среди еврейскаго пролетаріата; въ конечномъ итогѣ это требованіе сводилось къ тому, чтобы мало по малу забрать себѣ всю еврейскую массу. Иными словами тутъ шла борьба за власть надъ еврейскимъ пролетаріатомъ. Бундъ хотѣлъ сосредоточить ее исключительно въ своихъ рукахъ и всецѣло вытѣснить партію изъ еврейской улицы, т. е. оставить ее при русскихъ рабочихъ; партія хотѣла сосредоточить эту власть непосредственно и исключительно въ своихъ рукахъ и всецѣло вытѣснить изъ еврейской улицы Бунда, т. е. просто и просто, совершенно и окончательно уничтожить его. Бундъ это прекрасно понималъ (см. «Отчетъ делегаціи Бунда» стр. 13). Следовательно споръ тутъ шелъ о самомъ что ни на есть краеугольномъ принципѣ: быть или не быть особой организаціи еврейскаго пролетаріата?

Только такъ былъ поставленъ вопросъ. Но подѣливать-то, конечно, и срывался другой, еще болѣе основной: существуютъ ли такіе спеціально-еврейскіе задачи, которыя дѣлали бы необходимой особую организацію?

Бундовскій докладчикъ г. Либеръ попытался на сѣздѣ обосновать эту необходимость, но, по моему, насколько явствуетъ изъ стенографическаго отчета, неудовлетворительно. Гораздо болѣе удачную формулировку написать я въ брошюрѣ «П. П. С.» о еврейскомъ

рабочемъ движеніи». Эта брошюра относится приблизительно къ тому-же времени, издава центральнымъ комитетомъ Бунда и кратко резюмируетъ, кажется, всѣ тогдашніе аргументы въ защиту бундовской организаціонной позиціи. Резюме это гласитъ такъ:

Еврейскій пролетаріатъ не составляетъ только „часть“ польско-литовскаго пролетаріата, но, какъ и пролетаріатъ другихъ національностей, онъ—*самостоятельный* членъ всемірной семьи пролетаріевъ, членъ, имѣющій свои индивидуальныя, исторически сложившіяся особенности. Онъ долженъ по своему вести борьбу за идеалъ интернаціональнаго пролетаріата, за социализмъ. Еврейскій пролетаріатъ встрѣчаетъ въ своей классовой борьбѣ препятствія, которыхъ не знаетъ пролетаріатъ другихъ націй. Эти препятствія можетъ установить только самъ еврейскій пролетаріатъ, и въ этомъ смыслѣ онъ имѣетъ свои собственныя ближайшія историческія задачи. Чтобы разрѣшить эти задачи, еврейскій пролетаріатъ долженъ образовать отдѣльную революціонную организацію, сложиться въ самостоятельную политическую силу (стр. 8).

Такова была обычная бундовская мотивировка, съ которой еще до съѣзда были знакомы противники Бунда и съ которой они считались на съѣздѣ. И считались въ рѣзко отрицательномъ смыслѣ. Ихъ аргументаціи сводилась къ тому, что доводы Бунда совершенно не оправдываютъ организаціоннаго обособленія: если даже есть *особыя* задачи вродѣ равноправія или, наконецъ, «культурныхъ» *дѣлъ*, то *зѣдъ* еврейскій пролетаріатъ ничего не добьется безъ *поддержки* русскаго,—а для того, чтобы обезпечить эту поддержку, надо *именно* сдѣлаться съ русскимъ пролетаріатомъ, и т. д. Привести всѣ характерныя цитаты изъ преній значило бы перепечатать нѣсколько страницъ мелкой печати; я даю здѣсь только нѣкоторыя:

Изъ рѣчи делегата Руссова:

Въ рѣчи товарища докладчика промелькнула другая принципиальная причина существованія особой организаціи еврейскаго пролетаріата. Онъ все время говорилъ о Бундѣ, какъ о представителѣ еврейскаго пролетаріата въ Партіи. Такое особое представительство имѣло бы смыслъ, если бы мы допустили мысль, что интересы еврейскаго пролетаріата, хотя бы въ одномъ пунктѣ, протлворѣчаютъ интересамъ пролетаріевъ другихъ національностей Россіи *).

Изъ рѣчи делегата Бекона:

Здѣсь приводилось соображеніе, что основаніемъ отдѣльнаго существованія Бунда, какъ національной организаціи, явля-

*) Стенографическій протоколъ II съѣзда Р. С.-Д. Р. П. стр. 67.

ется: 1) различіе соотношенія общественныхъ силъ и 2) различіе правовыхъ условій. На первомъ соображеніи Либеръ не останавливался, онъ указалъ только на отсутствіе среди евреевъ крестьянства и дворянства. Но какъ отсюда перейти къ существованію особой національной организаціи? На 2-ое соображеніе достаточно возражали вчера. Напомню только, что всякая социаль-демократія борется противъ всякаго гнета, то же, слѣдовательно, дѣлаетъ и Россійская социаль-демократія *).

Эта мысль дополняется въ рѣчи делегата Ленина:

Недовѣріе сквозитъ во всѣхъ предложеніяхъ и во всѣхъ разсужденіяхъ бундовцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ, напримѣръ, борьба за полную равноправность и даже за признаніе права націи на самоопредѣленіе не составляетъ обязанности всей нашей Партіи? Слѣдовательно... *!)

Изъ рѣчи делегата Борова:

Правда, вы не выдвигаете здѣсь сохраненія національности, какъ принципъ, но, можетъ быть, потому, что вы вообще не дали намъ никакихъ принципиальныхъ соображеній. Ваша ссылка на особую группировку общественныхъ силъ не даетъ никакого права на особое существованіе Бунда *).

Въ особенности этотъ послѣдній отрывокъ даетъ какъ бы рѣзюмъ главному аргументу антибундовскаго большинства: «вы не дали намъ никакихъ принципиальныхъ соображеній». Послѣ двухлѣтней полемики въ печати, послѣ доклада и бундовскихъ рѣчей на самомъ съѣздѣ, противники всегди не знаютъ, *ради чего* бундовцамъ нужна особая организація. Имъ до сихъ поръ не сумѣли это объяснить. И въ этому и сводится вся ситуація съѣзда. Партія спрашиваетъ: можете ли вы, наконецъ, дать намъ ясный и вполне удовлетворяющій отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ заключается эти абсолютно особые интересы еврейскаго пролетариата, ибо только наличность абсолютно-особыхъ задачъ оправдываетъ организаціонное обособленіе на одной и той же территоріи? Бундъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ молчаніемъ. Партія говоритъ: въ такомъ случаѣ или откажитесь отъ принципа особой организаціи, или уходите. — Бундъ отвѣчаетъ на это выходомъ изъ партіи.

Почему Бундъ не отвѣтитъ и не могъ отвѣтить на первый вопросъ, это для насъ уже ясно: единственными удовлетворяющимъ

*) Тамъ же, стр. 81.

*) Стр. 91—92.

** Стр. 96.

отвѣтъ былъ бы тотъ, противъ котораго Бундъ всѣми силами боролся. Но почему Бундъ не сдѣлся и предпочесть уйти?

Ясно даже а priori, что Бунду очень должно было не хотѣться уходить. Дорожка болѣе всего на свѣтѣ спонимъ престижемъ у еврейской рабочей среды, руководители Бунда не могли не опасаться, что разрывъ съ партіей поколеблетъ ихъ престижъ. Споря съ сionистами, которые «пытались посягнуть на доверіе между еврейскими и русскими пролетаріатомъ», бундовскіе вожаки утверждали, что именно въ лонѣ русской соціально-демократіи встрѣтить еврейскій рабочій полное признаніе всѣхъ своихъ потребностей. Разрывъ съ партіей изминуемо долженъ былъ поставитъ предъ массою, которая всегда судитъ съ дѣтской прямолинейностью, слѣдующій вопросъ: одно изъ двухъ—или русскіе соціально-демократы вовсе не намерены считаться съ нашими потребностями, или наши руководители неправильно толкуютъ наши потребности. И тотъ, и другой выводъ одинаково непріятно долженъ былъ рисоваться бундовскому самолюбію. и вслѣдствіе, кому хоть по наслышкѣ знакомы совершенно исключительныя размѣры этого поистинѣ огромнѣйшаго изъ всѣхъ партійныхъ самолюбіи, легко можетъ себѣ представить, до чего предводителямъ Бунда хотѣлось сохранить хотя бы самый худой миръ съ партіей. Въ дѣйствительности это настроеніе выразилось въ такихъ формахъ, которыя говорятъ о прямо-таки страстномъ желаніи поладить, о прямо-таки паническомъ страхѣ предъ разрывомъ. Деlegates Бунда ради сохраненія мира три раза рисковали нарушить свои полномочія — и это при знаменитой бундовской дисциплинѣ! Но лучше всего будетъ напомнить читателю собственный разсказъ этой делегаціи о ея грѣхопаденіяхъ.

..

Первое грѣхопаденіе:

...Этимъ рѣшеніемъ мы, конечно, нарушили волю нашего съѣзда, поручившаго намъ защищать проектъ устава въ цѣломъ, но мы считали необходимымъ сдѣлать все возможное для предупрежденія разрыва и уступать до послѣдней возможности *).

Второе:

Въ виду крайне враждебнаго настроенія противъ Бунда, обнаруживающагося во время дебатовъ по поводу нашего проекта, мы рѣшили сдѣлать дальнѣйшую уступку. Мы рѣшили...

*) Отчетъ делегаціи Бунда о II съѣздѣ Р. П., стр. 7.

вторично нарушить полномочія сѣзда, предъявивъ только нѣкоторые пункты ультиматума *).

Третье :

...Послѣ принятія резолюціи Мартова мы, на основаніи полученныхъ нами отъ нашего сѣзда полномочій, должны были объявить, что Бундъ выходитъ изъ Партіи... Мы рѣшили въ третій разъ нарушить полномочія нашего сѣзда и ждать, пока...*).

Комментаріи излишни. Но почему же Бундъ все-таки ушелъ? Для насъ, сіонистовъ, *этотъ* вопросъ былъ еще важнѣе, чѣмъ для Бунда. Можно смѣло сказать, что духъ сіонизма виталъ въ этотъ день надъ собраніемъ и тревожно ждалъ исхода борьбы — не борьбы между Бундомъ и партіей, а внутренней борьбы въ душѣ бундовскихъ представителей между разрывомъ и капитуляціей. Ибо одно мы, сіонисты, всегда признавали за Бундомъ: это — кровную, коренную, тѣсную связь съ еврейской рабочей массой. И мы хорошо знали, что если Бундъ не всегда правильно руководитъ ею, зато онъ всегда въ основныхъ чертахъ вѣрно отражаетъ ее. Вотъ почему для насъ былъ такъ важенъ отвѣтъ Бунда на вопросъ, быть или не быть еврейской рабочей организаціи: въ отвѣтъ Бунда косвенно долженъ былъ прозвучать отвѣтъ самой еврейской массы. Мы прекрасно понимали, что въ немедленномъ опредѣленіи конкретного содержанія своихъ особыхъ національных задачъ эта масса, поглощенная повседневными трудностями, пока еще не такъ остро нуждается; но осознать ли она самое присутствіе, самую наличность этихъ неопредѣленныхъ задачъ хотя бы настолько, чтобы явственно ощущать полную невозможность, недонесимость безраздѣльнаго растворенія въ чужой организаціи? *Это* было для насъ главное. Мы вѣрили въ то, что еврейство, отъ верху до низу, инстинктивно стремится къ выдѣленію и сплоченію своихъ силъ для національной самостоятельности, и Бундъ, съ противоположной окранный народъ, долженъ былъ теперь намъ показать, не обманула ли насъ эта вѣра, не явилась ли наша идея, занесенная въ этотъ лагерь авторомъ «Поворотнаго пункта», только мимолетной aberrацией интеллигентскаго ума вожаковъ, чуждой и ненужной для массы?

Бундъ не умѣлъ отвѣтить, но нмѣя чего онъ уходилъ, но онъ ушелъ. Это сохранило его партійную индивидуальность. Бундовцы

*: Тамъ же, стр. 15.

**) Тамъ же, стр. 23

до сѣтъ поръ искренно вѣрять, будто сіонисты издавна желали исчезновенія Бунда. Въ настоящій моментъ оно безспорно такъ: теперь у Бунда есть готовые, болѣе или менѣе подходящіе социаль-сіонистическіе послѣдники, и мы считаемъ весьма необходимымъ, чтобы онъ сошелъ со сцены и уступилъ имъ мѣсто. Но въ 1903 году нѣкто на сѣбѣ не былъ такъ радъ тому, что Бундъ не сдался и сохранилъ свою самостоятельность, — какъ мы, буржуазные сіонисты.

И мы были правы. Дѣйствительно, разрывъ повлекъ за собой важныя послѣдствія. Рыхло изъ партіи былъ новой манифестаціей во славу принципа, который впервые былъ провозглашенъ въ 1897 году фактомъ учрежденія Бунда — принципа особности интересовъ еврейскаго пролетаріата, и извѣстное провозглашеніе этого принципа, какъ и самый шумъ, поднятый искрутъ сѣра о національной организаціи, не принесли безслѣдно для сознанія массы. Сколько ни старались вожаки Бунда подерживаться отъ «раздуванія» національных моментовъ, всѣ эти событія говорили за себя громче всякой агитаціи. Съ непреодолимою силой они привлекли вниманіе рабочихъ къ основному вопросу — о специфическихъ особенностяхъ положенія еврейскаго пролетаріата и о задачахъ, отсюда вытекающихъ. Потребность уяснить себѣ весь вопросъ до конца, поставить точку надъ і — и тогда еще не стала, быть можетъ, насущной и ослѣдственной для всей рабочей массы, но всетаки охватила гораздо болѣе широкіе и глубокіе слои, чѣмъ прежде.

Объективная логика развитія Бунда въ неизмѣримой степени усилила интересъ къ попыткамъ истерпаты, наконецъ, цѣлкомъ и безъ утайки загадочное содержаніе «особыхъ интересовъ», — субъективныя тенденціи вожаконъ Бунда не позволили ему дать этотъ истерпывающий отвѣтъ. Изъ такого противорѣчія могъ получиться только одинъ естественный результатъ, и онъ дѣйствительно получился: со второй половины 1903 г. начинается усиленный ростъ рабочаго сіонизма.

Бундовскіе публицисты до сихъ поръ стоятъ на той обыкновенной точкѣ зрѣнія, что пролетарскій сіонизмъ есть исключительно, такъ сказать, плодъ преступной пропаганды: пришли буржуазные сіонисты, надели «маску», «насадили группки» и т. д. На самомъ дѣлѣ все это произошло, конечно, иначе. Попытки «насадить» рабочій сіонизмъ сверху были, но онѣ всегда кончались неудачей, а возникъ онъ снизу. Абсолютнаго самозарожденія въ социальной области, конечно, не бываетъ, и я въ началѣ этого очерка уже говорилъ о томъ, что массы не создаютъ идей, а только воспринима-

ють и приспособляють ихъ. Но этотъ процессъ воспріятія и приспособленія совершается не посредствомъ искусственной прививки, а путемъ самостоятельной инициативы снизу, вѣрнѣе — путемъ множества инициативъ, множества разрозненныхъ попытокъ изъ среды самой массы. Въ этомъ смыслѣ крупныя народныя движенія дѣйствительно самозарождаются; въ этомъ смыслѣ самозародится и рабочий сіонизмъ. Сіонистическая редакция, въ которой я работалъ въ 1904 году, получала изъ разныхъ концовъ въ несмѣтномъ числѣ неграмотно и коряво написанныя жалобы на то, что есть рабочая группа, но нѣтъ ни руководителя, ни брошюръ, и нельзя ли выписать «студента». Безъ интеллигенціи, безъ литературы, окруженный сильными противниками, въ атмосферѣ постоянныхъ дискуссій, рабочий сіонизмъ оцнуню пробивалъ себѣ дорогу, оцнуню искалъ своихъ теоретиковъ, оцнуню вырабатывалъ и развивалъ свою тактику.

Въ началѣ этого столѣтія, когда вожаки Бунда открыли свою кампанію противъ сіонизма, онъ совершенно не имѣлъ сторонниковъ среди рабочей массы; въ началѣ 1905 года была учреждена „Сіонистско-Соціалистическая Рабочая Партія“, которую можно оцнунять и такъ и этакъ, но быстрого роста которой нельзя отрицать. При этомъ особенно характерно именно то, что она выставила лозунгъ территориализма: лозунгъ этотъ, наглядно говорившій о необходимости разрыва съ голусомъ, сейчасъ же, сію минуту, представлялъ изъ себя въ сущности еще болѣе рѣзкое отрицаніе бундовской „любви къ отечеству“, чѣмъ не столь торопливый палестинскій сіонизмъ. Руководители Бунда оказали бы самымъ себѣ огромную услугу въ смыслѣ уясненія собственной исторической роли, если бы они попытались объективно оцнунить и понять этотъ яркій результатъ ихъ долготѣней и отчаянной кампаніи.

Авторъ не принадлежитъ къ сторонникамъ претарскаго сіонизма и далеко не переоцениваетъ ту пользу, какую можетъ еврейская рабочая масса принести развитію сіонистическаго движенія или осуществленію конечной его цѣли. Но и при самомъ сдержанномъ отношеніи къ рабочему сіонизму только изъ слѣпоты или изъ упорства можно не видѣть, что его породила сама логика событій.

Выходъ Бунда изъ Россійской партіи былъ только послѣднимъ звеномъ въ этой логической цѣпи: первымъ звеномъ было появленіе самого Бунда. Эволюція Бунда привела еврейское рабочее движеніе къ тому самому руслу, изъ котораго она за десять лѣтъ до того почерпнула свое начало.

VII.

Бундъ, какъ національная партія, взявъ на себя задачу искорененія сionизма; жизнь его же руками создала обратный результатъ. Бунду выпалъ удѣлъ, вообще нерѣдко достающийся на долю политическимъ партіямъ,—развиваться въ субъективномъ антагонизмѣ съ объективными тенденціями собственнаго развитія, идти на буксиръ у собственной судьбы нехотя и упираясь. Повторяю, такой удѣлъ нерѣдко выпадаетъ политическимъ партіямъ, и не одной изъ нихъ приходится въ концѣ своей дѣятельности убѣдиться, что она все время работала въ сущности на тѣхъ, съ кѣмъ хотѣла бороться. Это, собственно говоря, неизбежная судьба всѣхъ не-революціонныхъ партій—понимая революцію не въ смыслѣ насильственнаго переворота, а вообще въ смыслѣ полного искорененія самой порочной основы даннаго социальнаго зла. Партія, по-стремившаяся къ этому устраненію вредоноснаго корня, согласная удовлетвориться въ данной области частичными поправками, такая партія полумѣръ и полдороги всегда роковымъ образомъ впадаетъ въ противорѣчіе съ собственными наміреніями. И это внутреннее противорѣчіе налагаетъ на все ихъ развитіе особый болѣзненный стечатель. Такъ какъ истиннымъ рѣшеніемъ вопроса можетъ быть только революціонное рѣшеніе, имъ приходится инстинктивно бояться полной правды, и это не-дастъ имъ развиваться полнокровно и свободно. Это заставляетъ ихъ сжигаться, сокращаться, избѣгать углубленія въ вопросы, уклоняться отъ точекъ надъ і—изъ безсознательнаго опасенія проговориться, опровергнуть самихъ себя, наскочить на опасный выводъ. Боязнь правды неминуемо порождаетъ духовное безплодіе. И во всей исторіи народныхъ движеній, быть можетъ, не найдется болѣе яркаго примѣра этого безплодія, чѣмъ примѣръ Бунда.

Въ національномъ отношеніи Бундъ не можетъ быть признанъ революціонной партіей. Наоборотъ. Первоосновой *специфическихъ* страданій еврейскаго народа является его экстерриториальность—этого до сихъ поръ не отрицалъ, кажется, никто на свѣтѣ. Поэтому единственнымъ путемъ для *кореннаго* уничтоженія этихъ специфическихъ страданій логически представляется территориализація еврейства. Можно, считая ее несбыточной, это другое дѣло,—но принципиально въ этомъ отвѣтъ и только въ немъ содержится полное; т. е. революціонное рѣшеніе еврейскаго вопроса. Еще, пожалуй, нѣкоторое подобіе вѣтшей революціонности заключается въ

обратномъ отвѣтѣ ассимилятора: уничтоженіе самого еврейства. Бундовскій путь есть безспорно путь принципиальнаго, заведомаго компромиса. Было время, когда Бундъ это отрицать, когда ораторы его провозглашали, что породоному народу вообще не нужна территория, что надо экстерриторіализовать все націи на свѣтѣ и ради одной безвостой лиснцы обрубить хвосты всему звѣриному царству. Въ этомъ была хоть революціонность краснаго слова: видно было желаніе выдержать стиль, сохранить революціонную щеголеватость съ ногъ до головы, замазать оппортунистическую прорѣху красными чернилами. Теперь Бундъ, очевидно, больше на этомъ не настаиваетъ: его публицисты открыто признають себя оппортунистами въ національномъ вопросѣ *). Это уже звучитъ нѣкотораго рода политическимъ минимомъ, безспорно, по моему, знаменующимъ упадокъ внутренняго напоса въ партіи, зарожденіе характерной для опустыниагого джентльмена неряшливости, пониженіе требовательности къ самимъ себѣ. Но, какъ бы то ни было, самъ Бундъ признаетъ себя не-революціоннымъ въ области національнаго вопроса. Намъ остается только прибавить: *весьма* не-революціоннымъ, быть можетъ даже скорѣе анти-революціоннымъ. Ибо надо вспомнить, для *какого* зла предлагалъ Бундъ свои подумыры У человечества есть вопросы куда важнѣе еврейскаго, потому что еврейскій вопросъ касается горсти въ 10 милліоновъ душъ; но въ исторіи нѣтъ вопроса болѣе мучительнаго, связаннаго съ большимъ количествомъ несмысленныхъ человеческихъ страданій. На *такомъ* вопросѣ дать такой игрушечный отвѣтъ, какой выдвинуть Бундомъ (автономія школъ), да еще и надъ этимъ жалкимъ рецентомъ малодушно растянуть густое покрывало замалчиваній,—это значило проявить верхъ, ангей, удешевленную степень не-революціонности. Вотъ почему та печать духовнаго безплодія, которая ложится неминуемо на все партіи полдороги, идеалеро ярче выражена въ Бундѣ.

Стало ходячей истиной, что Бундъ не создатель теоретиковъ. Г-нъ К. К. въ № 4 заграничной «Зари», въ общемъ очень благо-склонный къ Бунду критикъ, объяснилъ эту черту недостаточной подготовленностью бундовскихъ руководителей. Я полагаю, что, это не объясненіе. Уровень еврейской революціонерской учености вообще не Богъ вѣсть какъ высокъ, почти все стряпается домашними средствами, да оно и не могло быть иначе по всемъ условіямъ російско-

*) „Наше Слово“, 7, ст. г. Гейликмана, стр 19—20.

еврейского быта. Но въ предѣлахъ этого общаго уровня вожакъ Бунда врядь-ли много уступаютъ въ начитанности, интеллигентности и даровитостисвоимъ противникамъ изъ лагеря с. с., поалэ-Ціонъ и сеймовцевъ. Во всякомъ случаѣ не въ этомъ пунктѣ лежитъ разгадка той странности, что при сравненіи литературы Бунда съ гораздо болѣе юной литературой рабочаго сіонизма буквально поражаетъ культурное превосходство послѣдняго въ разнообразіи и выборѣ темъ, въ использованіи источниковъ, въ смѣлости анализа и обобщенія. Настоящій ученый, вѣроятно, призналъ бы многое въ теоретическомъ матеріалѣ пролетарскаго сіонизма незрѣлымъ и неустойчивымъ, но не могъ бы не одѣлать по достоинству тотъ несытующій духъ изслѣдованія, углубленія, освѣщенія запутанной еврейской дѣйствительности, который повелъ къ созданію всего этого матеріала. И вовсе не въ какой-то случайно большей подготовленности, а именно въ этомъ несытующемъ духѣ, въ этой жаждѣ правды до конца лежатъ причины разницы между культурно-теоретическимъ уровнемъ Бунда и его соперниковъ. Ими правда нужна, Бунду она неудобна; они поэтому инстинктивно тянутся къ ней, роются и копаются въ фактахъ и цифрахъ еврейской уличной, обнажаютъ и подчеркиваютъ всѣ ея раны и трещины, — Бундъ молчитъ и инстинктивно сторонится отъ изученія реальной жизни. Его литература носитъ исключительно политическій и социалистическій характеръ, т. е. перескакиваетъ въ доступной формѣ заграничье и русскія шаблонны, безспорно полезные, но ничуть не самостоятельныя. Самостоятельно-творческихъ попытокъ у Бунда не было и нѣтъ. Онъ — единственная изъ социалистическихъ партій міра, не ударившая пальцемъ о палецъ ни для изученія социально-хозяйственной среды, въ которой вращается руководимый ею пролетаріатъ, ни даже для выясненія элементарной статистики и динамики этого пролетаріата — его профессиональнаго состава, его численности, его передвиженій. Потому что изученіе ведетъ къ познанію горькой истины, потому что теоретизированіе по самой природѣ своей требуетъ безпредѣльной логической свободы, полнаго права доходить отъ первыхъ посылокъ до послѣднихъ выводовъ. Этой свободы, этого права Бундъ не давалъ; страстное желаніе во что бы то ни стало избѣжать сіонистическаго отвѣта уродовало его мысль; надъ его публицистами тяготѣлъ постоянный запретъ — граница, дальнѣе которой не позволено идти и къ которой даже не вѣлито приближаться; сидѣть за письменный столъ, они имѣли предъ собою наказъ лавировать, отселева доселева, фехтать и

не доѣзжать. Имъ нельзя было изслѣдовать, имъ необходимо было замалчивать.

И они замалчивали все, въ чемъ только была правда. Еще на IV съѣздѣ въ 1901 году Бундъ принялъ резолюцію объ осторожномъ отношеніи къ экономическимъ стачкамъ: уже тогда стало понятно, что еврейское хозяйство не даетъ простора для классовой борьбы, что еврейскій рабочій долженъ считаться не съ собственными силами, а съ платежеспособностью своего эксплуататора. Но гдѣ-же выводы изъ этого наблюденія, въ сущности вскрывающаго одинъ изъ основныхъ признаковъ еврейской ненормальности? Ихъ замолчали.—Въ томъ-же самомъ Вѣлостокѣ, гдѣ въ результатѣ при участіи арійскаго пролетаріата разразился вѣлостокскій погромъ, уже давно происходили столкновенья между еврейскими и нееврейскими рабочими на почвѣ вытѣсненія евреевъ; въ самой бундовской литературѣ проскальзываютъ неоднократно упоминанія о подобныхъ фактахъ, но гдѣ выводы? Ихъ замолчали, какъ замалчивали антисемитизмъ, какъ замалчивали все, что вело къ углубленію еврейскаго вопроса.—И, наконецъ, замалчивали эмиграцію. Партія, блющая всѣ интересы еврейскаго пролетаріата, игнорировала массовое бѣгство еврейскихъ ремесленниковъ и чернорабочихъ; партія, молящаяся богамъ историческаго матеріализма, который подчиняетъ политическіе моменты экономическимъ, отдѣлялась упованіемъ на то, что русская революція уничтожитъ эмиграцію; партія, санкционирующая областныя и національныя различія вплоть до признанія федераціи, видѣла рѣшеніе вопроса въ отысканіи черты осѣдлости, не замѣчая, что это есть опять таки право на эмиграцію въ чуждую среду, т. е. *status quo ante*. Это былъ систематическій и развязный обходъ всѣхъ серьезныхъ вопросовъ, необходимыхъ для успѣшенія еврейской дѣятельности, — настоящей, беспримѣрной и непростибельной культъ народной темноты и несознательности именно въ томъ отношеніи, въ которомъ особенно важно было достигнуть полной ясности.

Но въ сокровищницѣ бундовскаго творчества есть пункты еще менѣе похвальные, чѣмъ простое замалчиваніе правды. На попытки анализа еврейской экономики со стороны социаль-сіонистовъ Бундъ не преминулъ отозваться нѣсколькими брошюрами опровержительнаго характера. Я не займусь разборомъ всѣхъ этихъ сочиненій вродѣ «Poale-Zion un seiere theories» (г. Лону), „Мелко-буржуазнаго социализма“, «Соціалистическихъ фракцій въ сіонизмѣ» и т. п.—предоставляю это развлеченіе тѣмъ, до кого они прямо касаются;

скажу только мимоходомъ, что эти статьи не могутъ претендовать на роль «ислѣдованій», да вѣдь-ли сами бундовцы приписываютъ имъ эту роль. Въ нихъ не только нѣтъ самостоятельныхъ выводовъ и свѣжаго матеріала—въ нихъ даже нѣтъ субъективныхъ моментовъ настоящаго изслѣдованія, нѣтъ осторожности, вдумчивости, нѣтъ исканія—ничего, кромѣ опроверженій. Такъ и чувствуется, что авторы считаютъ своей задачей только разбить чужіе выводы, но ничуть не думаютъ о собственной серьезной разработкѣ вопроса. И благодаря этой исключительной тенденціи—опровергнуть и больше ничего; эта серія бундовской литературы вся получила какой-то сплошной, неумѣренный, до непристойности, до безвкусицы оптимистическій тонъ. Я считаю еврейскую экономіку еще не изслѣдованной и готовъ предположить, что въ анализѣ социаль-сіонистовъ возможны преувеличенія по части черныхъ красокъ. Но вѣдь это далеко не то самое, что пересаливать въ сторону розовыхъ перспективъ. Между тѣмъ у бундовскихъ полемистовъ даже нѣтъ пересола—у нихъ просто и только одно безпримѣнное лякваніе и славословіе. Пройдетъ революція, будетъ все хорошо, антисемитизмъ ступаетъ *), вытѣсненіе прекратится. «еврейскій ремесленникъ и лавочникъ сможетъ чувствовать себя совсѣмъ недурно» **); - да и теперь въ сущности вовсе не такъ плохо—еврейскій капиталъ помаленьку растетъ ***), еврейскій пролетаріатъ понемножку занимаетъ сытныя позиціи ****)—словомъ; на Шинякъ все спокойно...

Повторяю, можно было признать выводы социаль-сіонистовъ неосторожными, поспѣшными, неprovѣренными, и предпринять болѣе основательное изслѣдованіе нашего народнаго положенія. Но судить голодными людьми золотыя горы, обѣщать имъ чуть-ли не полный рай, усыплять въ нихъ всякую пытливость передъ вопросами антисемитизма, вытѣсненія и т. п. — вопросами, во всякомъ случаѣ, великой сложности, съ которыми только верхоглядство можетъ начисто раздѣлаться однимъ кляксомъ, однимъ „опроверженіемъ“, - проповѣдывать темной массѣ отказъ отъ всякихъ сомнѣній и полную вѣру въ добраго соседа,—вѣдь на все это надо имѣть нравственное право. Если мы, сіонисты, даже преувеличивали бы въ нашемъ неспимизмѣ, то вѣдь мы опираемся на опытъ страдальческихъ тысячелѣ-

*) Kleinbirgerlicher Sozialismus стр. 16.

**) Соц. фракція въ сіонизмѣ, стр. 115.

***) Kl. Soz., стр. 11.

****) Там-же, passim; «Соц. фр », passim.

тій, на примѣры нынѣшней Галиціи, Франціи, Германіи; мы, наконецъ, зове́мъ народъ къ осторожности, къ самоопредѣленію—все это принесетъ ему пользу, даже если мы окажемся неправы. Но во имя какихъ примѣровъ, въ силу чьего опыта, на основаніи какихъ данныхъ предсказываютъ эти люди еврейскому народу никогда еще невиданныя блага? По какому праву ручаются они ему за прекращеніе травли и вражды, призывая тѣмъ самымъ къ національному разоруженію, чтобы завтра новая буря захватила насъ беззащитными и неготовыми? Прежде чѣмъ рѣшиться на одну сотую долю тѣхъ общій, которыми эти настырцы обольщаютъ измученную народную массу, надо было создать науку вопроса, разработать истинные источники, найти въ глубинѣ исторіи строгаго-проверенныя аналоги,—надо было пережить надъ этой проблемой всѣ муки испытующей совѣсти, въ тишинѣ работать десятки лѣтъ, прежде чѣмъ выйти на улицу съ радостной вѣстью о близкомъ принествіи мира на землю. Гдѣ это все? Гдѣ сѣды хоть легкаго колебанія передъ тѣмъ, какъ эти господа на тысячу ладовъ заплели свою актуальную пѣсню, которую талантливый варшавскій памфлетъ такъ мѣтко и убійственно заклеилъ ея настоящимъ названіемъ—Маюфееъ?

Мы, сіонисты, тоже общаемъ еврейскому народу лучшую жизнь, но мы ставимъ это въ зависимость отъ его собственной воли. «Wenn i h r wollt, ist das kein Märchen». Эти-же люди хорошо знаютъ, что въ ихъ розовой перспективѣ рѣшающая роль принадлежитъ чужой, ни́ебрейской волѣ, волѣ голя и волѣ голуса,—и *за нее* даютъ они ручательство, отъ *ея* имени даютъ общанія. Пусть мнѣ простятъ рѣзкость моихъ выраженій, но во всемъ этомъ не чувствуешь ни добросовѣстнаго отношенія къ слову, ни честнаго отношенія къ народному горю—ничего, кромѣ остѣняющаго ничточескаго ужаса передъ голою правдой.

Заграницей, когда партія теряетъ подъ собою идейную почву, она начинаетъ подкупать своихъ избирателей. Съ каждымъ днемъ все больше и больше Бундъ становится на эту дорогу. Все положительное, что было на его знамени, въ болѣе полной формѣ вошло въ лозунги его новыхъ соперниковъ: они его включаютъ, и тѣмъ самымъ они исключаютъ его. Подкупъ, подкупъ не деньгами, а посулами сталъ для него теперь единственнымъ средствомъ борьбы. Кромѣ общаній, онъ ничего, ни одного положительнаго момента не можетъ выдвинуть противъ сіонизма. Бундъ, какъ таковой, изжилъ свои положительныя цѣнности. Малѣйшій его шагъ впередъ будетъ

теперь уже явной капитуляцией передъ той или иной пзъ вѣтвей рабочаго сіонизма, будетъ отрицаніемъ Бунда. Оставаясь самимъ собою, Бундъ обреченъ на застой, ему болыно нечѣмъ жить, не во что развиваться.

Это, конечно, не значитъ, что Бундъ распадется на-дняхъ. Бундъ еще можетъ бодро простоять цѣлый десятокъ лѣтъ и даже выдержать при этомъ два-три неизбежныхъ кризиса безъ вреда для своей цѣлости. Ему отчасти полезно время, въ которое мы живемъ. Оно не даетъ сосредоточиваться, не даетъ донскиваться полныхъ отвѣтовъ и послѣднихъ рѣшеній. Оно благоприятствуетъ партіямъ съ расплывчатыми программами, включающими все и не заключающими ничъго. Таковы кадеты, таковъ и Бундъ. Кадетамъ еще долго обезпечень успѣхъ, потому что они сумѣли выхватить изъ общественнаго настроенія всѣ главные лозунги, «смѣло» выдвинуть совершенно безспорныя и ловко «смягчивъ» тѣ, отъ которыхъ еще все-таки могло покоробить людей въ вліятельнаго меньшинства. И потому за ними идутъ всѣ, кому неохота продумать вопросы до конца, а такихъ теперь много. Сила Бунда въ томъ же секретѣ: онъ даетъ все — тѣмъ, кому многого не нужно. Кто изъ еврейской молодежи теперь не социалистъ и не націоналистъ? Рѣшить національную проблему кореннымъ образомъ, безношадно и безноворотно разорвать старія иллюзіи и симпатіи — на это не всякій готовъ, да и время не подходящее для рѣшенія спорныхъ проблемъ. И люди идутъ въ Бунду именно потому, что въ этомъ спорномъ вопросѣ онъ васъ ни къ чему не обязываетъ, ни отъ чего не отрываетъ, — идутъ и еще будутъ идти, и не разъ еще дадутъ Бунду количественную силу. Но уже внутренней силой, идейнаго паюса они Бунду не дадутъ, и первое мѣсто на еврейской политической аренѣ уйдетъ отъ него навсегда. А въ моментъ, когда руссійская жизнь вернется въ колею, и наступитъ ликвидація русскихъ кадетовъ, и другія партіи, партіи подлаго отвѣта, раздѣлятъ между собою послѣдніе остатки кадетской рати, — та же судьба совершится и надъ кадетами еврейскаго пролетаріата.

Я говорю объ этомъ довольно безстрастно. Я не увижу въ этомъ ни проигрыша, ни большого выигрыша. Какъ національная партія, Бундъ уже сдѣлалъ свое дѣло: новаго слова онъ не приишетъ — кромѣ сіонистическаго лозунга авто-эмансипаціи — духу народа, въ смыслѣ идейнаго творчества, ничего не далъ и не оставилъ, — но въ другомъ смыслѣ, въ смыслѣ политической активности и физиче-

скаго мужества, онъ несомнѣнно поднялъ «духъ» еврейской рабочей массы и чрезъ нее всего народа, и записалъ этимъ въ нашей исторіи блестящія страницы героизма, предъ которыми безумно было бы не преклониться съ уваженіемъ и благодарностью. Но это уже сдѣлано; больше у Вунда ничего вѣтъ за душой, и въ немъ больше вѣтъ никакой социальной надобности.

Съ другой стороны и выиграна не надо переоцѣнивать, если даже учесть ту вѣроятность, что къ тому времени социаль-сіонистическія партіи примутъ болѣе зрѣлую форму, нежели теперь.

День, когда еврейскій пролетаріатъ цѣлкомъ примкнетъ къ сіонизму, будетъ имѣть для насъ, конечно, большое моральное значеніе; но до сихъ поръ еще открытымъ остается вопросъ, въ какой мѣрѣ этотъ слой еврейскаго народа располагаетъ тѣми реальными силами, которыя нужны для активнаго участія въ созданіи еврейскаго обществія; что же касается до пассивнаго участія—въ качествѣ эмиграціоннаго матеріала для заселенія уже готовыхъ позицій, — то для этой цѣли въ почти не меньшей степени пригодился бы, подъ давленіемъ чисто-матеріальныхъ стимуловъ, и не-сіонистическій, и даже антисіонистическій пролетаріатъ. Можно, конечно, не безъ основанія разсчитывать на повышенную жертвоспособность этого класса, которая дастъ намъ піонеровъ, но, во всякомъ случаѣ, все это еще гадательно. И если насъ все таки радуетъ перспектива конечной сіонизаціи еврейской рабочей массы, то не столько ради практическихъ выгодъ сіонизма, сколько ради самой этой массы. Авторъ «Поворотнаго пункта» когда-то сказалъ: „Рабочій классъ, который мирится съ долею низшаго племени, не возстанетъ и противъ доли низшаго класса“. Наше сомнѣніе въ реальномъ вѣсѣ еврейскаго пролетаріата не мѣшаетъ намъ цѣнить его боевой духъ, и въ силу этого чувства мы дѣйствительно вѣримъ, что, наоборотъ, рабочій классъ, который возсталъ противъ доли низшаго класса, не примирится и съ долей низшаго племени.

VIII.

Въ началѣ этого очерка я привелъ бундовскій афоризмъ о томъ, что сіонизмъ и Вундъ порождены одними и тѣми же причинами, и замѣтилъ, что я нахожу эту формулировку неправильной. Я полагаю, что родственная связь между обонми теченіями должна быть опредѣлена иначе.

Эволюція данної партії є еволюція данної ідеї. Що ж це була за ідея, яка об'єктивно еволюціонувала під формами еволюції Бунда?

Однільний чоловік може іноді усвоити певний ідеал сразу, в один прийом. Маса на це по своїй природі неспособна. Правда, ідеал іноді може здалека очарувати їх фантазію, по лиш як безплідна і безплотна мечта, совершенно не зв'язана з життям. Активна зв'яз між масою і ідеалом возможна только тогда, когда масса постепенно готовится к его полному восприятию. Эта постепенная подготовка носит, так сказать, социально-педагогический характер: она осуществляется в форме последовательных этапов, каждый из которых имеет значение наглядного урока и наглядно вводит в сознание массы основные элементы идеала. Жизнь при этом поступает, как опытный педагог или пропагандист: она располагает эти элементы идеала в строго-лестничном нарастающем порядке, переходя от простейших ко все более сложным.

Как должен был бы поступить опытный педагог или пропагандист, если бы хотел постепенно ввести в сознание своей неподготовленной аудитории идею сионизма? Он должен был бы распределять свой материал на несколько уроков. Первый урок он должен был бы посвятить предварительной подготовке слушателей к самому трактованию вопроса: он предложил бы им усвоить прежде всего необходимость самостоятельности, т. е. выделения национальных задач из так называемого «общего дела» и национальных сил из так называемого «общего» лагеря. Со второго урока он перешел бы уже к вынесению содержания национальных задач; здесь ему пришлось бы начать с отрицательных моментов сионизма, т. е. раньше всего установить, что еврейский народ объективно не связан с территориальными гонимости и находится в скрытом или явном состоянии непрерывной миграции. Только после этого третий урок мог бы быть посвящен положительным моментам — абстрактному принципу территориализации разбросанного народа, т. е. территориализму в его простейшей форме. Четвертый урок, наконец, заключался бы в конкретизации территории; пятый — в выработке методов.

Так должен был бы взяться за дело педагог или пропагандист, и именно так на наших глазах ведет дело жизнь в еврейской рабочей массе. Наблюдая эволюцию еврейского рабоча-

го движенія, мы уже прослѣдили этапы выдѣленія національ- ныхъ силъ и провозглашенія наличности національныхъ ~~задачъ~~ ^{задачъ}. ~~досѣ~~ ^{досѣ} того, какъ 1903 годъ окончательно подтвердилъ ~~процессъ~~ ^{процессъ} усвое- ность этого перваго урока, жизни выдѣляется ~~до~~ ^{до} ~~двухъ~~ ^{двухъ} ~~социалистовъ~~ ^{социалистовъ} съ ихъ исключительнымъ вниманіемъ къ ~~миграціи~~ ^{миграціи}, съ ихъ упрощеннымъ и голымъ територіализмомъ, какъ ~~было~~ ^{было} нарочно очищеннымъ отъ всякихъ осложняющихъ примѣсей, ~~которые~~ ^{которые} могли бы затруднить его усвоеніе. И вслѣдъ за этой ~~доктриной~~ ^{доктриной} уже кри- стализируются дальнѣйшія, болѣе сложныя, пытающіяся включить конкретную территорію, шире и глубже разработать методы ~~націо- нальной~~ ^{націо- нальной} ~~самодѣятельности~~ ^{самодѣятельности}. Схема эта здѣсь и тамъ нарушается ко- нечно, необходимыми изъ дѣйствительности уклонами; но ~~всякій~~ ^{всякій}, кто мыслитъ исторически и не согласенъ ~~вѣрять~~ ^{вѣрять}, будто партія и программы ~~нарождаются~~ ^{нарождаются} ни съ того ни съ ~~сего~~ ^{сего}, въ силу одной праздной воли злодѣйственныхъ людей, безъ всякой ~~внутренней~~ ^{внутренней} ~~связи~~ ^{связи} между собою и безъ корней въ почвѣ, — рано или поздно долженъ будетъ признать, что общія картина развитія еврейскаго рабочаго движенія есть картина постепеннаго и систематическаго сіонизированія.

И среди послѣдовательныхъ стадій этого процесса онъ съ осо- беннымъ вниманіемъ отмѣтитъ одну — ту, на которой совершилось первое обособленіе еврейскаго пролетаріата. Потому что выдѣленіе національныхъ силъ изъ «общаго дѣла» есть первый, ~~предваритель- ный~~ ^{предваритель- ный} этапъ, безъ котораго немислима ~~національная~~ ^{національная} ~~самодѣятель- ность~~ ^{самодѣятель- ность}; оно есть главная изъ главныхъ, ~~основная~~ ^{основная} ~~изъ основныхъ~~ ^{изъ основныхъ} ~~предпосылокъ~~ ^{предпосылокъ} сіонизма. Конкретизація этой предпосылки ~~выгляде- ла~~ ^{выгляде- ла} въ форму Бунда.

Эта роль была сыграна Бундомъ исключительно въ силу ве- щей; ни воля тогдашнихъ носителей бундовскаго настроенія, ни во- ля тогдашнихъ носителей сіонизма не отразилась на этомъ событіи. И во всѣхъ дальнѣйшихъ стадіяхъ этого процесса главнымъ дѣй- ствующимъ лицомъ былъ не конкретный сіонизмъ, не наша партія: здѣсь сама за себя говорила сіонистическая ~~идея~~ ^{идея}, какъ единственный выводъ изъ еврейской дѣйствительности, какъ голосъ жизни и правды. Точно также были здѣсь не при чемъ и дѣятели Бунда. Они искренно исчеркали противъ сіонизма все: средства словесной борьбы; но слова гибнутъ, а факты остаются. И эти факты гласятъ, что сіонизмъ проникъ въ еврейскую рабочую массу по дорогѣ, про- ложенной для него Бундомъ, и каждый этапъ въ развитіи Бунда заключался въ новой побѣдѣ сіонизма.

Приготовительный класс при образцовом хедерѣ сіонизма —
вогь, если продолжать нашу педагогическую параллель, объективно-
историческая роль Бунда в еврейском рабочем движении. Бундъ
и сіонизм — это не два ростка из одного корня: это большой
ствол и стволы для — но не два самостоятельных

формы — ствол Бунда объективно антагонистичен въ сознании ев-
рейских рабочих масс идеалу сіонизма.

Когда будущий редактор не имеет связную историю сіони-
стического движения, въ его трудѣ, быть может, особенное внима-
ніе читателя привлечет одна глава^{хх} — будетъ изложено непо-
средственно из словами о нации и о евреях; въ началѣ
она читатель встрѣтитъ повтореніе слов Цинкера, въ концѣ
первую прокламацию Поля-Цоян. Въ этой главѣ будетъ рассказанъ
одинъ изъ эпизодов сіонизма, и она будетъ озаглавлена «Бундъ».

х Бундъ и сіонизм — это не два ростка из одного корня;
это большой ствол и один изъ его побѣгов.
Это не два самостоятельных движения, эволюционирующие
по собственнымъ путямъ, подъ формами эволюцій Бунда
объективно жонглированное въ сознании еврейских
рабочих масс идеал сіонизма.

хх Она будетъ изложена непосредственно изъ живыхъ
словахъ и действий и идей-глаголовъ.

О Д Е С С А.

Тип. Гальперина и Швейдера, Екатерининская, 36.

1906.

